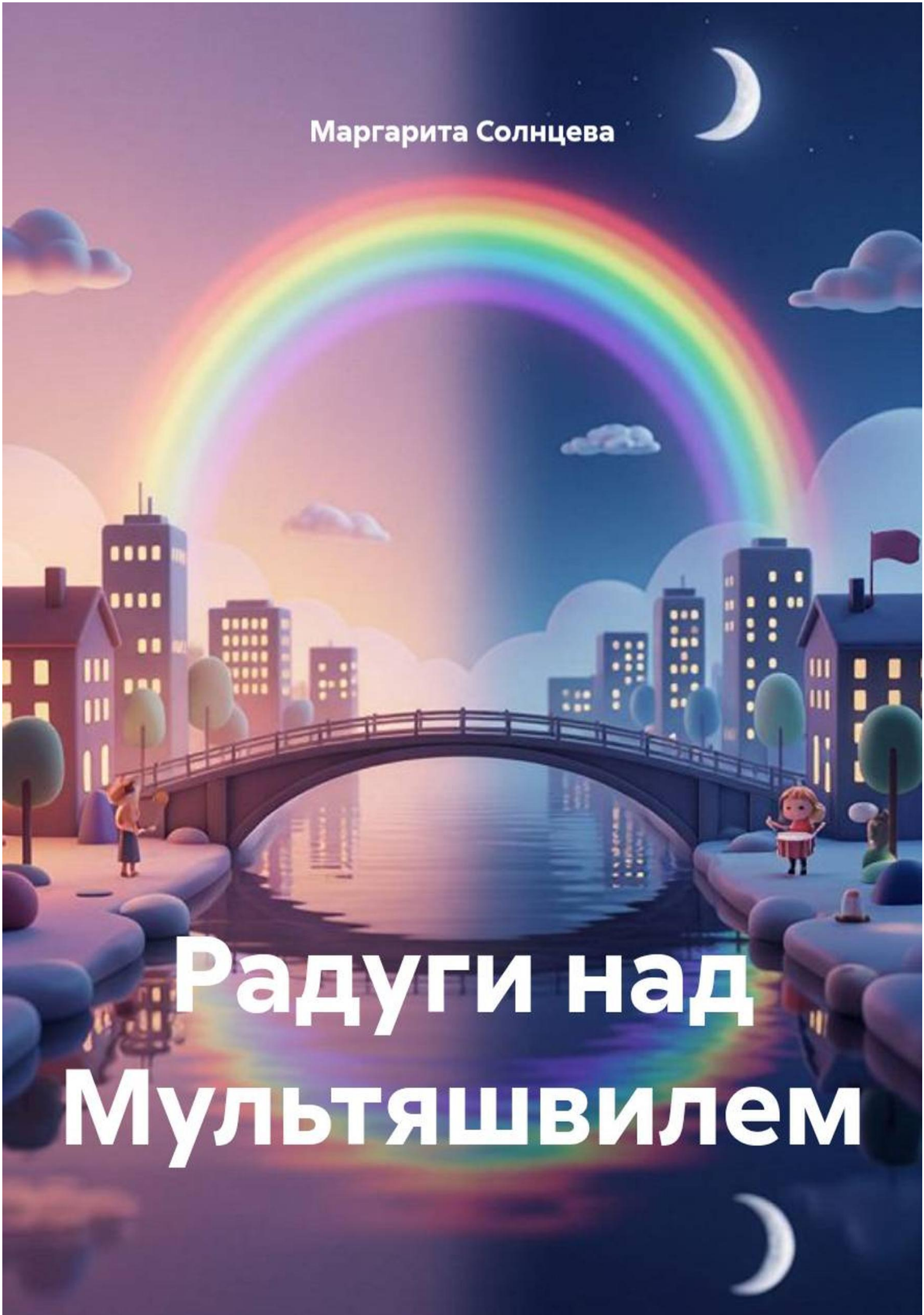

Маргарита Солнцева
Радуги над Мультяшвилем

Маргарита Солнцева

Радуги над Мультяшвилем

«Автор»
2026

Солнцева М. В.

Радуги над Мультяшвилем / М. В. Солнцева — «Автор», 2026

Роман о двух живых радугах, которым запрещено встречаться, потому что одна работает в утреннем дне, а другая — в лунной ночи. Он про то, как устроен свет, который умеет влюбляться; про облако-тётю, ветра-почтальона, грома-барабанщика и девочку, которая рисует то, чего ещё нет. Четырнадцать глав, в которых радуга теряет цвет, город требует объяснений, а мост между днём и ночью строится из того, чего нельзя потрогать.

© Солнцева М. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дождь, который опоздал 6
Глава 2. Ночная радуга 16
Глава 3. Как разговаривают радуги 29
Глава 4. Тётушка Кучевая 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Маргарита Солнцева
Радуги над Мультяшвилем

Мультяшный роман

Радуги над Мультяшвилем

Солнцева М.В.

Роман о двух живых радугах, которым запрещено встречаться, потому что одна работает в утреннем дне, а другая — в лунной ночи. Он про то, как устроен свет, который умеет влюбляться; про облако-тётю, ветра-почтальона, грома-барабанщика и девочку, которая рисует то, чего ещё нет. Четырнадцать глав, в которых радуга теряет цвет, город требует объяснений, а мост между днём и ночью строится из того, чего нельзя потрогать.

SunnyBooks

Глава 1. Дождь, который опоздал

В Мультяшвиле шёл дождь, и это было неприлично.

Не то чтобы в городе не любили дождь — дождь там любили, потому что после него появлялись радуги, а радуг в Мультяшвиле было больше, чем аптек. Неприличным было время: четыре часа утра, когда все порядочные звери, люди и птицы ещё спят, а солнце даже не подумало вставать.

Руж проснулась от того, что её кто-то щекотал.

— Не сейчас, — сказала она в пустоту. — Я на работе с семи.

Щекотка не прекратилась. Руж открыла один глаз — тот, что отвечал за оранжевый, — и увидела перед собой мокрую морду.

— Дождь, — сказала морда.

— Вижу, что дождь. Ты кто?

— Я дождь. Меня зовут Капля-Три-Тысячи-Сорок-Один. Можно Капа. Я тут первый раз, мне сказали, что после меня будет радуга, и я хотел посмотреть, как это делается.

Руж села. Радуги, если кто не знает, спят нелёжа и нестоя, а висят — дугой, концами в две точки на небе, и если концы не держатся, то ночью можно уехать куда-нибудь в сторону соседнего района. У Руж концы держались на двух фонарях над площадью. Фонари были старые, чугунные, и один из них мигал.

— Смотри, — сказала она, — но быстро. У меня смена в семь, а до семи мне нужно набрать цвет.

— А что, цвет не всегда есть?

— Цвет всегда есть, — обиделась Руж. — Цвет — это я. Но он выгорает. Понимаешь, когда на тебя смотрят, ты становишься ярче; когда на тебя не смотрят, ты бледнеешь. К утру я уже почти пастельная. Поэтому перед сменой я хожу на мокрую крышу, стою в свете и набираю обратно.

Капа задумался так, что чуть не перестал капать.

— А если на тебя совсем никто не смотрит?

— Тогда я становлюсь серой. И это, — Руж подняла кончик дуги, как поднимают палец, — самое страшное, что может случиться с радугой. Не смерть, нет. Серая радуга жива. Просто её никто не видит, и она перестаёт быть.

Капа посмотрел на небо, где над крышами висел туман, и спросил совсем тихо:

— А можно я на тебя посмотрю?

— Ты же дождь, — сказала Руж. — Ты не умеешь смотреть. Ты умеешь идти.

— Я умею останавливаться, — сказал Капа. — Немножко. Я вчера остановился на стекле у булочной, и там была женщина, которая сказала: «Ого, какая красивая капля». Мне понравилось.

Руж засмеялась, и от смеха у неё на секунду проявился шестой цвет — голубой, который у неё всегда был бледнее остальных, и она этого стеснялась.

— Ладно, Капа, — сказала она. — Смотри. Только недолго: тебе надо успеть на землю, пока я не вышла на площадь.

На пустыре росла полынь выше человека. На камне посреди реки сидела цапля и не двигалась.

Громыч делал вид, что читает афишу на насыпи у теплотрассы.

— Как это называется? — спросил Семирах. — Никак, — сказал Капа. — Если назвать, придётся отвечать.

Ейа казалось, что если стоять достаточно долго, небо ответит первым.

У ворот кладбища стояла скамейка, повёрнутая к городу. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

В водосточной трубе что-то пело на одной ноте. На камне посреди реки сидела цапля и не двигалась.

Индиго мыла стекло изнутри, чтобы лучше видеть снаружи в подворотне, где не ловит телефон.

— Оно того стоит? — спросила Индиго. — Не знаю, — ответил Громыч. — Но я ещё не всё сделал.

Онаа считалаа минуты, потому что считать часы было слишком страшно.

У памятника дождю лежал букет, которого там не было вчера. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Под козырьком остановки стояли семеро и не сказали друг другу ни слова. На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном».

Громыч нюхал воздух, как собака на крыльце библиотеки.

— Оно того стоит? — спросил Свист. — Не знаю, — ответила Руж. — Но я ещё не всё сделала.

Совесть у города была в виде девочки с мелками.

В палисаднике кто-то посадил капусту и забыл. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. В кассе автовокзала не было сдачи, и очередь стояла тихо.

Кучевая смотрела на башню и ждала сигнала в трамвае, который идёт в депо.

— Скажи честно, — попросил Семирах. — Честно — я не знаю, — сказал Оптик.

Ничего не происходило, и это было лучшей новостью за неделю.

В окне почты горел свет, а дверь была заперта. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

«Пип, я виделась с Индиго. Здоровались. Это значит меньше, чем мы оба хотели.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. В городе было принято объясняться метеосводкой, а не словами.

В парикмахерской говорили о том, что очередь — это форма протеста. Сосулька на карнизе выросла за ночь на два пальца.

Оптик считал шаги между столбами на насыпи.

— Всё будет по-прежнему? — спросила Руж. — Всё будет иначе, — сказал Семирах. — Только никто не заметит.

Он знал одно: если молчать слишком долго, молчание становится ответом.

На столбе висела табличка «Мультяшвиль, 1936», и буквы были отремонтированы. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. Самое трудное — продолжать, когда никто не хлопает.

«Семирах, сегодня я стоял у фонаря сорок минут. Это не рекорд, но раньше у меня было меньше.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Он думал о том, что если свет идёт снизу, то и причина внизу.

«Пип, в городе пошёл дождь снизу вверх. Передай своим, что небо ещё работает.»

Ответа не последовало, и это тоже был ответ. Правила в этом городе писаны для тех, кто их не читает.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Никто не помнил, кто это написал, но все помнили, что так надо. Онаа не бояласьа тумана; она бояласьа того, что там не будет никого.

«Семирах, мне сказали, что тебя выцветает шестой цвет. Я не верю спискам, я верю тебе.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Он понимал, что это ничего не изменит, и всё равно вышел из дома.

В школьном окне горели все лампы, хотя был день. На рынке распродавали прошлогодние краски по причине отсутствия сезона.

Оптик рисовал на асфальте то, чего не было на берегу, где стоят лодки.

— Ты обещаешь? — спросил Оптик. — Я обещаю не врать, — ответил Капа. — Это больше.

Кто-то должен был стоять здесь, даже если ничего не случится.

Из открытого окна шло радио, где говорили о посевной. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

В киоске с газетами продавали открытки с радугой за двадцать копеек. У стоматологии висело объявление «Без боли» и приписка «почти».

Пип мерила шагами расстояние до ивы на пустыре, где растёт полынь.

— Как это называется? — спросил Свист. — Никак, — сказала Кучевая. — Если назвать, придётся отвечать.

Обычно за такие вещи не благодарят, а просто не мешают.

Сосулька на карнизе выросла за ночь на два пальца. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

«Индиго, передаю через Семирах: у нас забрали свет на три дня. Не пугайся, если не увидишь меня.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. От дождя не прячутся те, кому некуда идти, — но таких здесь было больше, чем казалось.

На переезде машинист всегда поднимал голову и махал рукой — это было известно всем. В окне второго этажа горела лампа под голубым абажуром.

Семирах объяснял капле, как устроен город в переулке, где всегда сыро.

— Кто дал тебе это право? — спросила Руж. — Никто, — сказал Свист. — Я сам взял.

Он не умел красиво говорить, зато умел быть вовремя.

Кто-то нарисовал мелом стрелку, и она указывала не туда. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица. В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно».

Семирах мыл стекло изнутри, чтобы лучше видеть снаружи на крыльце библиотеки.

— Что с небом? — спросила Индиго. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Совесть у города была в виде девочки с мелками.

В трамвае было семь человек и один контролёр. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Радуга, стоящая слишком долго, называется «та, что ждёт».

Свист прочитал его вслух и впервые услышал, как оно звучит. Это была ошибка, но ошибка правильного человека.

По проводам шли птицы и садились через две. На лодочной станции лодки были перевёрнуты и засыпаны снегом.

Семирах искал место, где ветер поменьше на смотровой площадке.

— Это приказ? — спросил Свист. — Это погода, — ответил Оптик. — С приказами у нас плохо.

К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

Лоток с водой стоял на подоконнике и отражал весь проспект целиком. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

На заборе висела куртка, забытая с осени. Возле аптеки стояли две женщины и обсуждали, что радуга — это к морозу.

Капа рисовал на асфальте то, чего не было у стоматологии.

— Не надо, — сказал Семирах. — Поздно, — сказал Свист. — Я уже начал.

В городе, где всегда пахнет мокрым камнем, проще молчать, чем объяснять.

В парикмахерской говорили о том, что очередь — это форма протеста. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Расписание закатов, неделя 230. Начало: Шесть пятьдесят. Продолжительность: 0 минут. Примечание: запросить взгляды.

Бумага была важнее события: событие забывали, номер оставался.

Предписание № 180. Запретить ночное стояние над у старого элеватора до Семь сорок пять. Исполнитель: совет.

Бумага была важнее события: событие забывали, номер оставался.

«Индиго, передаю через Семирах: у нас забрали свет на три дня. Не пугайся, если не увидишь меня.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. Цвет в этом городе принадлежал не тому, кто его имеет, а тому, кто смотрит.

У водокачки стояла очередь из трёх человек и ведра. У переезда шлагбаум поднимался медленно, будто нехотя.

Руж смотрела на часы и не верила им у старого элеватора.

— Что ты делаешь? — спросила Индиго. — Жду, — сказал Семирах. — Это тоже работа, просто плохо оплачиваемая.

Было бы проще, если бы у совета была совесть, а не расписание.

У гаражей стояла машина с открытым багажником и мокрым одеялом. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Мимо прошёл почтальон с пустой сумкой и сказал «дождливо». У стадиона стояли ворота без сетки.

Руж переступала через лоток с водой у колонки.

— Оставь меня, — сказал Капа. — Хорошо, — сказал Семирах. — Только я посижу тут.

Ничего не происходило, и это было лучшей новостью за неделю.

У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

«Семирах, если это письмо прочтут не ты, а совет, — значит, я написал правду.»

Ответа не последовало, и это тоже был ответ. Иногда достаточно одного человека, который не отвёл глаза.

Вода в бочке замёрзла сверху и не оттаивала до полудня. В водосточной трубе что-то пело на одной ноте.

Индиго ждала, пока кончится дождь в переулке, где не ловит телефон.

— Что ты делаешь? — спросил Оптик. — Жду, — сказала Кучевая. — Это тоже работа, просто плохо оплачиваемая.

Радуга не может уйти тихо: она уходит с шумом красок.

Из форточки шёл пар и таял в воздухе на два счёта. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Кто-то оставил на скамейке перчатки, и они уже намокли. Фонарь мигал в ритме, который никто не настраивал.

Пип разворачивала конфету очень медленно в очереди у колонки.

— Как это называется? — спросил Оптик. — Никак, — сказал Семирах. — Если назвать, придётся отвечать.

Если тебя видят четверо, этого мало; если двое — этого ровно столько, сколько есть.

На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Старуха у подъезда сказала вслух: «К морозу», — и была права. Под козырьком остановки стояли семеро и не сказали друг другу ни слова.

Пип разглядывала трещину в асфальте на площади у старой ивы.

— Сколько сегодня? — спросил Свист. — Ноль, — сказал Семирах.

К семи вечера все решения становятся погодой.

У стадиона стояли ворота без сетки. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

На реке был туман ровно до середины. Пахло мокрой пылью, как бывает в августе, когда всё уже решено.

Свист показывал на небо рукой у восточной окраины.

— Почему именно сегодня? — спросила Пип. — Потому что завтра будет дождь, — сказал Капа.

Всё, что было важно, держалось на одном гвозде и двух фонарях.

На столбе висела табличка «Мультяшвиль, 1936», и буквы были отремонтированы. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине. На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном».

Свист клеил объявление об отмене у колонки.

— Не надо, — сказал Громыч. — Поздно, — сказала Индиго. — Я уже начала.

Тишина в Мультяшвиле всегда была слышной: у неё был цвет.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

На водонапорной башне крутился флюгер в виде рыбы. Из форточки шёл пар и таял в воздухе на два счёта.

Капа держал бумагу так, чтобы не намокла у дома с башенкой.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказала Индиго. — Надо было давно, — ответила Руж.

К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

В окне первого этажа показывали мультик без звука. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На столбе висело зеркало — смотреть за угол. На крыше гаражей сушилось одеяло в цветочек.

Руж балансировала на одной ноге на автовокзале.

— Что с небом? — спросила Кучевая. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Совесть у города была в виде девочки с мелками.

У гаражей стояла машина с открытым багажником и мокрым одеялом. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Под козырьком остановки стояли семеро и не сказали друг другу ни слова. На проводе висела капля и не падала.

Громыч держал бумагу так, чтобы не намокла у памятника дождю.

— Мне холодно, — сказал Оптик. — Это не холод, — сказал Свист. — Это ветер с озера.

Всё это было похоже на разговор двух людей, которые не умеют ссориться.

У школьных ворот стояли трое и спорили, будет ли снег. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Семирах, я пишу тебе на тумане, потому что бумага в этом городе честнее меня. Если не дойдёт — виноват ветер, а не я.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. На этой улице любая радуга выглядела как скандал.

В палисаднике кто-то посадил капусту и забыл. На крыше гаража стоял рубероид и блестел, как вода.

Громыч считал окна в доме напротив у кирпичной водокачки.

— Сколько сегодня? — спросила Кучевая. — Ноль, — сказал Свист.

Ни дождь, ни хозяин не обязаны объяснять, почему так вышло.

На заборе была надпись «смотри выше» и стрелка вверх. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Снег лежал на балконах там, где никто не убирал с прошлой зимы. Из открытого окна шло радио, где говорили о посевной.

Кучевая держала бумагу так, чтобы не намокла на пустыре за гаражами.

— Что ты видишь? — спросил Свист. — Крыши, — сказал Громыч. — И ни одного человека на них.

К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

В библиотеке окно вымыли только с одной стороны. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно». На балконе стояла банка с водой и в ней ветка.

Индиго ставила ногу точно в след у железнодорожного переезда.

— Ты почему не спишь? — спросила Пип. — Работаю, — сказал Громыч. — У меня смена до утра.

Снег летом — это не чудо, а расписание, с которым что-то пошло не так.

На столбе объявлений кто-то сорвал половину афиши. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

У перехода стояла девочка с коробкой мелков, и её никто не останавливал. В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно».

Кучевая разглядывала трещину в асфальте у старого фонаря.

— Как это называется? — спросил Громыч. — Никак, — сказал Оптик. — Если назвать, придётся отвечать.

Город был устроен как театр, где зрители сидят спиной.

На водонапорной башне был привязан флаг, которого никто не ставил. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

«Пип, если ты поднимешь голову в семь сорок две, ты увидишь то, о чём я молчала два года.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Онаа моглаа скатиться в обиду, но вместо этого села на камень и стала считать.

Мимо прошёл трамвай, полный людей, которые смотрели в пол. Старуха у подъезда сказала вслух: «К морозу», — и была права.

Громыч искал место, где ветер поменьше у водостока.

— Там кто-то есть? — спросила Руж. — Там туман, — сказал Капа. — Это почти одно и то же.

В городе считали, что видеть — это профессия. Город ошибался не в этом.

Кто-то нарисовал мелом стрелку, и она указывала не туда. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

На камне посреди реки сидела цапля и не двигалась. На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери».

Руж держала коробку с мелом и не открывала на насыпи.

— Ты уверен? — спросил Свист. — Нет, — сказал Семирах. — Но я пойду.

Сколько бы ни было правил, вода остаётся водой.

У переезда шлагбаум опустили вручную, потому что мотор мёрз. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

В аптеке свет был зелёный, как в аквариуме. У ларька женщина покупала семечки и говорила про сына.

Индиго слушала, как в трубе перекатывается вода в очереди у колонки.

— Почему именно сегодня? — спросила Руж. — Потому что завтра будет дождь, — сказал Громыч.

Вода принимает форму, а свет — мнение, и в этом вся разница.

Водокачка стояла без воды с прошлой осени. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

В саду не цвели яблони, и это уже никого не удивляло. По проводам шли птицы и садились через две.

Оптик дул на мокрые пальцы на площади, где парковка.

— Дождь пойдёт? — спросил Капа. — Дождь уже идёт, — сказала Пип. — Просто в другую сторону.

Вода всё помнит, поэтому её и не спрашивают.

В парикмахерской говорили о том, что очередь — это форма протеста. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Запись в журнале цветов № 28. Шестой цвет: в норме. Причина ухудшения: туман в низине. Смотрителей: 4.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

В аптеке свет был зелёный, как в аквариуме. У переезда шлагбаум опустили вручную, потому что мотор мёрз.

Индиго щурилася на закат на берегу, где стоят лодки.

— Оно того стоит? — спросил Громыч. — Не знаю, — ответила Пип. — Но я ещё не всё сделала.

Онаа умела держать паузу, поэтому с ней было тихо и не пусто.

В парикмахерской сохли полотенца на батарее. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Оптик, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрел сам.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Свет — единственное, что даёт бесплатно, и единственное, чего всегда мало.

Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким. Из форточки шёл пар и таял в воздухе на два счёта.

Руж приносила чай в двух стаканах на камне посреди реки.

— Как это называется? — спросил Семирах. — Никак, — сказал Оптик. — Если назвать, придётся отвечать.

Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

Мимо прошёл трамвай, полный людей, которые смотрели в пол. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Совет собирается на восточной окраине, где ветер.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. Сколько бы ни было правил, вода остаётся водой.

Если небо работает, город обязан работать тоже.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. В городе, где всегда пахнет мокрым камнем, проще молчать, чем объяснять.

Ночной свет не смешивается с дневным. Или смешивается, и тогда всем хуже.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Ветер приносил не новости, а запах перемен, и это было одно и то же.

У дома с башенкой была вывеска «Аптека № 1» и вторая, старее, «Гастроном». У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица.

Свист жал руки сам себе у трансформаторной будки.

— Ты почему не спишь? — спросил Капа. — Работаю, — сказала Индиго. — У меня смена до утра.

Онаа не бояласьа тумана; она бояласьа того, что там не будет никого.

На рынке продавали зонты двух цветов: чёрные и в горох. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

«Оптик, если ты не ответишь, я не обижусь. Я только перестану считать дни по-другому.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. Было слышно, как в трамвае кто-то спорит о погоде и побеждает.

Дождь заказывают у грома, а не у соседа.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. Правила в этом городе писаны для тех, кто их не читает.

Сводка № 258. Участок: на площади, где парковка. Время: Семь тридцать. Взглядов: 0. Отклонение: закат сместился на две минуты.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Ни дождь, ни хозяин не обязаны объяснять, почему так вышло.

На переезде машинист всегда поднимал голову и махал рукой — это было известно всем. Вода в бочке замёрзла сверху и не оттаивала до полудня.

Семирах переставлял ноги по бордюру на пустыре, где растёт полынь.

— Ты боишься? — спросил Оптик. — Боюсь. Но мне надоело бояться одного и того же.

Свет был не белый и не серый, а такой, о который можно опереться.

На заборе была надпись «смотри выше» и стрелка вверх. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно. Кто-то мелом написал на асфальте «7:42» и обвёл.

Пип дышала на ладони у колонки.

— У нас есть время? — спросил Оптик. — До семи сорока двух, — сказала Пип.

Небо в тот вечер было как несданная работа: красивое, но с ошибкой.

На крыльце стояли сапоги и в них была вода. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

«Семирах, мне сказали, что тебя выцветает шестой цвет. Я не верю спискам, я верю тебе.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Если тебя перестали видеть, это ещё не значит, что тебя нет.

В переулке не ловил телефон, и это всех устраивало. Птицы летели низко, чего в это время года не бывает.

Кучевая балансировала на одной ноге в очереди в аптеку.

— Всё будет по-прежнему? — спросил Семирах. — Всё будет иначе, — сказала Пип. — Только никто не заметит.

Смотреть на город сверху было почти неприлично — как читать чужое письмо.

В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

«Индиго, в городе пошёл дождь снизу вверх. Передай своим, что небо ещё работает.»

Бумага была мокрая, но читалось всё. Вечер пах краской, мокрой тканью и надеждой, что завтра будет суше.

«Семирах, я сегодня узнал, что правила пишут на бумаге, а держатся они на людях. Бумага уже промокла.»

Ответа не последовало, и это тоже был ответ. Он думал, что радуга — это не мост, а попытка объяснить.

Цвет выгорает от невнимания, а не от времени.

Никто не помнил, кто это написал, но все помнили, что так надо. На этой улице любая радуга выглядела как скандал.

На водонапорной башне был привязан флаг, которого никто не ставил. У ларька женщина покупала семечки и говорила про сына.

Свист рисовал на асфальте то, чего не было за котельной, где теплее.

— Как это называется? — спросил Оптик. — Никак, — сказал Громыч. — Если назвать, придётся отвечать.

Ни дождь, ни хозяин не обязаны объяснять, почему так вышло.

Возле аптеки стояли две женщины и обсуждали, что радуга — это к морозу. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На крыше гаражей сушилось одеяло в цветочек. В луже плавал билет и не тонул.

Индиго мыла стекло изнутри, чтобы лучше видеть снаружи на крыше школы.

— Ты видишь? — тихо спросила Руж. — Вижу, — ответила Кучевая. — Только это никого не спасает.

Если тебя перестали видеть, это ещё не значит, что тебя нет.

На стадионе дети играли в футбол в два мяча. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. На пустыре росла полынь выше человека.

Кучевая говорила с ветром по делу за котельной, где теплее.

— Не надо, — сказал Громыч. — Поздно, — сказал Капа. — Я уже начал.

Ейа казалосьа, что если стоять достаточно долго, небо ответит первым.

На балконе стояла банка с водой и в ней ветка. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Сводка № 69. Участок: в переулке, где не ловит телефон. Время: Шесть пятьдесят. Взглядов: 11. Отклонение: нет.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

На рынке распродавали прошлогодние краски по причине отсутствия сезона. На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине.

Оптик разглядывал трещину в асфальте в переулке, где не ловит телефон.

— Ты обещаешь? — спросил Капа. — Я обещаю не врать, — ответил Семирах. — Это больше.

Дождь в этом городе был не погодой, а расписанием, которое все знали наизусть.

В палисаднике сирень цвела не по сезону и упрямо. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

* * *

Мультяшвиль просыпался медленно и неохотно, как просыпается город, в котором все друг друга знают и никто никуда не торопится.

Первым всегда вставал булочник Бублик — не потому, что был трудолюбив, а потому, что его печь не умела спать и начинала гудеть в пять. За булочником вставала цапля-дворник Клава, которая мыла площадь так, будто на ней лежала вина города. За цаплей — дети. Дети в Мультяшвиле вставали раньше всех взрослых, потому что у детей была причина: если ты встал первым, ты первый увидел, какая сегодня радуга.

В семь ноль-ноль Руж вышла на площадь.

Она вышла, как выходят на сцену: сначала один конец, потом второй, потом вся дуга, выгнутая так, что оба конца касались фонарей, а макушка — вывески «ОЧКИ ОПТИКА. РЕМОНТ. ВСЁ ДЛЯ ЗРЕНИЯ».

И площадь сказала: «О-о-о».

Руж любила это «о-о-о». Оно было честное. В нём не было вежливости, как в «здравствуйте», и не было зависти, как в «ну надо же». В нём было ровно то, что было: люди поднимали головы и становились на секунду лучше, чем были.

— Доброе утро, — сказала Руж, потому что радуги говорят вслух, но только в те минуты, когда их видят. — Сегодня я с оранжевым акцентом. Смотрите на оранжевый.

— Смотрим! — крикнул кто-то из детей.

— Не все, — сказала Руж. — Вон тот дядя в шляпе смотрит в телефон.

Дядя в шляпе поднял голову и покраснел.

Так проходило утро. Руж стояла над площадью, светилась, слушала «о-о-о» и потихоньку уставала — потому что быть красивым на глазах у всех работа не тяжёлая, но долгая. К одиннадцати солнце поднялось слишком высоко, дождь кончился, и площадь стала обычной площадью: с лужами, голубями и забытым зонтом.

Руж сложилась, как складывают складной метр, и ушла спать на водонапорную башню.

А вечером пошёл дождь снова.

Не тот, утренний, аккуратный, а другой — тёплый, крупный, шумный, какой бывает в конце августа, когда небо решает выяснить отношения с землёй. Он шёл до десяти, потом до одиннадцати, потом до полуночи, и Руж, которая так и не уснула из-за шума, вылезла на башню и села на край.

Город внизу блестел. В лужах плавали фонари. Пахло мокрым камнем и булочками, которые Бублик, судя по запаху, пёк вторую партию, хотя давно должен был спать.

И тогда Руж подняла голову.

Над городом, там, где кончались крыши и начиналось небо, висела радуга.

Только она была не такая. Не дневная — не пёстрая, не наглая, не «смотрите на оранжевый». Она была тихая и глубокая, как вода в колодце. Четыре цвета: синий, фиолетовый, зелёный и один — почти белый, лунный. Она висела низко, касаясь края тучи, и её свет не кричал, а будто говорил вполголоса.

Руж смотрела минуту. Потом вторую.

Потом поняла, что не дышит, и это была не метафора: радуги дышат светом, и если свет перестаёт входить, значит, что-то внутри перехватило.

— Ты кто? — спросила она.

Ночная радуга не ответила. Она медленно повернула дугу — так поворачивают голову, чтобы посмотреть, — и её лунный цвет прошёл по крышам, по лужам, по лицу Руж.

А потом ночная радуга сказала одно слово. Тихо, так тихо, что его услышала бы только радуга, стоящая в двухстах метрах:

— Долго.

И исчезла, потому что туча ушла, а без тучи ночная радуга не держится.

Руж просидела на башне до трёх. Утром она вышла на площадь бледная, с потерянным шестым цветом и с новой, очень неудобной мыслью.

— Ты чего? — спросил Капа, который всё ещё висел на фонаре и не хотел падать.

— Ничего, — сказала Руж. — Просто я, кажется, влюбилась в то, чего не бывает в моё время суток.

Глава 2. Ночная радуга

Радуги не пишут дневников, потому что у них нет карманов.

Поэтому Индиго запоминала всё в цвете. Это несложно, если ты состоишь из цвета: каждое событие она складывала в оттенок и держала в дуге, как держат в шкафу вещи по сезонам.

Синий — работа. Фиолетовый — одиночество. Зелёный — всё живое, что попадалось на пути: камыш, лягушка, мокрая кошка на заборе, мальчик, который не спал и смотрел в окно. И белый, лунный, — то, что нельзя назвать.

Белый у неё был самый старый. Он появился в ту ночь, когда Индиго родилась: туман, полная луна, дождь, который никто не заказывал. Радуги рождаются из совпадения, и если совпадение редкое, то и радуга редкая. Дневных радуг в Мультяшвиле было двадцать две. Ночных — одна.

Индиго.

Её видели редко. Ночью люди смотрят вниз: под ноги, в телефон, в тарелку. Ночью вообще мало кто поднимает голову, потому что ночью небо — это просто тёмное место между фонарями. Индиго привыкла быть тёмным местом между фонарями. Она висела над озером, над пустырём, над железной дорогой, где в час ночи проходил товарный поезд, и машинист всегда поднимал голову — единственный человек в городе, кто это делал.

— Привет, — говорил он в окно. — Опять ты.

— Опять я, — говорила Индиго, если рядом была туча.

В ту ночь, когда она увидела Руж, туча была. И туча была не простая: она стояла над водонапорной башней, как будто специально, а на башне сидела радуга.

Индиго впервые в жизни увидела радугу, которая не спала ночью.

Она знала, как выглядят дневные: она видела их издалека, днём, когда сама была невидима — радуги не видят друг друга, если находятся в противоположном свете, но Индиго умела смотреть на день сквозь тонкий край тучи, как смотрят через мутное стекло. Дневные радуги были шумные. Они вспыхивали, переливались, поворачивались к солнцу и говорили комплименты городу. Индиго их не любила и не завидовала — до этой ночи.

А тут на башне сидела одна из них, и она не вспыхивала. Она смотрела вверх, в ночь, и её шестой цвет — голубой — был бледнее остальных, и от этого вся она казалась чуть надломленной, как скрипка, которую давно не настраивали.

Индиго хотела уйти. Ночная радуга должна исчезать до того, как её заметят: это правило, это не обсуждается, это как «не разговаривать с незнакомыми» у детей.

Вместо этого она повернула дугу.

— Ты кто? — спросила дневная.

Индиго молчала. Слова у неё были, но они лежали глубоко, под четырьмя цветами, и доставать их было долго.

Потом она сказала:

— Долго.

И ушла, потому что туча ушла, а без тучи не держится.

На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери». У стены лежали доски, и на них уже вырос мох.

Громыч разговаривал с громом по делу на западном плёсе.

— Что ты делаешь? — спросил Семирах. — Жду, — сказала Пип. — Это тоже работа, просто плохо оплачиваемая.

Погода в Мультяшвиле была единственным жанром, в котором все разбирались.

На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном». Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. У ларька женщина покупала семечки и говорила про сына.

Кучевая держала бумагу так, чтобы не намокла в трамвае, который идёт в депо.

— Скажи мне, что делать, — попросил Капа. — Смотри, — сказал Оптик. — Это всё, что требуется.

Дождь в этом городе был не погодой, а расписанием, которое все знали наизусть.

За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Запись в журнале цветов № 49. Шестой цвет: пропал целиком. Причина ухудшения: взглядов меньше нормы. Смотрителей: 22.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

«Оптик, я виделся с Индиго. Здоровались. Это значит меньше, чем мы оба хотели.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Всё это было похоже на разговор двух людей, которые не умеют ссориться.

Пацан на велосипеде объехал лужу и всё равно попал в неё. За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно.

Семирах проверял, работает ли шестой цвет у трансформаторной будки.

— Не надо, — сказал Капа. — Поздно, — сказал Громыч. — Я уже начал.

Тот, кто сказал «просто смотри», не был на совете радуг.

Между домами был проход, где ветер менял направление без объяснений. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Радуга, стоящая слишком долго, называется «та, что ждёт».

Никто не помнил, кто это написал, но все помнили, что так надо. Небо в тот вечер было как несданная работа: красивое, но с ошибкой.

У водостока стояла вода и в ней отражался весь фонарь. У рынка стоял грузовик с надписью «овощи-фрукты» и пустым кузовом.

Громыч учил Пип завязывать узел на память у аптеки на углу.

— Как это называется? — спросила Руж. — Никак, — сказал Свист. — Если назвать, придётся отвечать.

Онаа не бояласьа тумана; она бояласьа того, что там не будет никого.

На лодочной станции лодки были перевёрнуты и засыпаны снегом. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Между домами был проход, где ветер менял направление без объяснений. Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким.

Семирах разносил объявления по подъездам у кирпичной трубы котельной.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказала Руж. — Надо было давно, — ответила Пип.

Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

В булочной выпекали хлеб с изюмом и называли его радужным. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Запись в журнале цветов № 134. Шестой цвет: бледнеет. Причина ухудшения: дождь не по графику. Смотрителей: 1.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

У кинотеатра висела афиша фильма, которого уже не показывали. На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз».

Громыч смотрел в лужу и ждал, когда в ней что-то изменится у школьных ворот.

— Ты сказал это вслух, — заметила Кучевая. — Я и хотел вслух, — ответил Оптик.

Обычно за такие вещи не благодарят, а просто не мешают.

Возле аптеки стояли две женщины и обсуждали, что радуга — это к морозу. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

На столбе висело зеркало — смотреть за угол. В школьном коридоре пахло мелом и мокрыми куртками.

Семирах разворачивал конфету очень медленно у пивного ларька.

— В дождь все одинаковые, — сказал Свист. — В дождь все честные, — поправил Громыч.

Капля знала больше, потому что была маленькой и всё замечала.

Между домами был проход, где ветер менял направление без объяснений. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Запись в журнале цветов № 132. Шестой цвет: бледнеет. Причина ухудшения: минус один цвет. Смотрителей: 1.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

На столбе висело зеркало — смотреть за угол. У дома с башенкой была вывеска «Аптека № 1» и вторая, старее, «Гастроном».

Капа дул на мокрые пальцы на площади, где парковка.

— Ты не похожа на радугу, — сказала Кучевая. — Сегодня — нет, — ответил Капа.

Он давно понял: в радужном деле побеждает не цвет, а выдержка.

На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном». Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким. У водостока стояла вода и в ней отражался весь фонарь.

Капа молчал так, что было слышно счёт на западном плёсе.

— Мне холодно, — сказала Кучевая. — Это не холод, — сказала Индиго. — Это ветер с озера.

Тишина в Мультяшвиле всегда была слышной: у неё был цвет.

На лестнице пожарной части сушились рукавицы. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Мокрая кошка сидела на подоконнике и смотрела на закат с презрением. На подоконнике аптеки стоял стакан с водой и в нём ложка.

Пип перевязывала шнурок, чтобы потянуть время у дома с башенкой.

— Скажи мне, что делать, — попросил Капа. — Смотри, — сказал Семирах. — Это всё, что требуется.

Погода в Мультяшвиле была единственным жанром, в котором все разбирались.

У переезда шлагбаум поднимался медленно, будто нехотя. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На переезде машинист всегда поднимал голову и махал рукой — это было известно всем. В переулке не ловил телефон, и это всех устраивало.

Руж считала капли на карнизе у кирпичной трубы котельной.

— Ты сказал это вслух, — заметил Семирах. — Я и хотел вслух, — ответил Свист.

Ошибка была не в правиле, а в том, что его никто не перечитывал.

У колонки набирали воду, и вода шла с воздухом, рывками. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Индиго прочитала его вслух и впервые услышала, как оно звучит. Смотреть на город сверху было почти неприлично — как читать чужое письмо.

У школьных ворот стояли трое и спорили, будет ли снег. На автостанции объявление о рейсе «отменено» висело третий год.

Громыч разносил объявления по подъездам у водостока.

— Ты почему не спишь? — спросила Индиго. — Работаю, — сказал Свист. — У меня смена до утра.

Кто-то должен был стоять здесь, даже если ничего не случится.

У ларька с мороженым зимой продавали пельмени. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На лестнице пожарной части сушились рукавицы. В трамвае объявляли остановку, которой нет.

Кучевая жала руки сама себе у пивного ларька.

— Ты видишь? — тихо спросила Пип. — Вижу, — ответил Громыч. — Только это никого не спасает.

Говорить с каплей — это почти как говорить с собой, только капля умнее.

В окне первого этажа показывали мультик без звука. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

«Семирах, если ты поднимешь голову в семь сорок две, ты увидишь то, о чём я молчал два года.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Всё было бы просто, если бы у неба был администратор.

Распоряжение № 221 по управлению погодой. Время заката: Шесть пятьдесят. Дождь заказан: 11. Основание: запросить взгляды.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

На переезде машинист всегда поднимал голову и махал рукой — это было известно всем. Пацан на велосипеде объехал лужу и всё равно попал в неё.

Капа пересчитывал тех, кто поднял голову на балконе пятого этажа.

— Там кто-то есть? — спросила Кучевая. — Там туман, — сказал Громыч. — Это почти одно и то же.

Каждый раз, когда город молчит, ему кажется, что он думает.

У стены лежали доски, и на них уже вырос мох. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Снег лежал на балконах там, где никто не убирал с прошлой зимы. В библиотеке окно вымыли только с одной стороны.

Оптик перевязывал шнурок, чтобы потянуть время на лодочной станции.

— Оно того стоит? — спросил Свист. — Не знаю, — ответила Руж. — Но я ещё не всё сделала.

Всё, что здесь происходило, происходило между двумя взглядами.

На столбе висела табличка «Мультяшвиль, 1936», и буквы были отремонтированы. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном». Кто-то нарисовал мелом стрелку, и она указывала не туда.

Оптик считал капли на карнизе у водостока.

— Там кто-то есть? — спросил Семирах. — Там туман, — сказал Громыч. — Это почти одно и то же.

От дождя не прячутся те, кому некуда идти, — но таких здесь было больше, чем казалось.

На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

В трубе за стеной гудело, как гудит большая вода далеко. В детском саду на стене висел рисунок: две дуги и подпись «мама и папа».

Индиго балансировала на одной ноге на автостанции в шесть утра.

— Оставь меня, — сказала Индиго. — Хорошо, — сказал Свист. — Только я посижу тут.

Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

Сосулька на карнизе выросла за ночь на два пальца. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Кучевая прочитала его вслух и впервые услышала, как оно звучит. Онаа бы отдалаа год за одну честную фразу, но фраз не было, был дождь.

На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил. В палисаднике кто-то посадил капусту и забыл.

Громыч считал капли на карнизе под козырьком остановки.

— Всё будет по-прежнему? — спросил Свист. — Всё будет иначе, — сказала Пип. — Только никто не заметит.

Он заметил, что люди не поднимают голову даже когда льёт.

Асфальт блестел так, что город можно было прочитать вверх ногами. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

У стены лежали доски, и на них уже вырос мох. В саду не плодоносили яблони, зато цвела сирень.

Оптик молчал громче всех в переулке, где не ловит телефон.

— Дождь пойдёт? — спросил Семирах. — Дождь уже идёт, — сказала Индиго. — Просто в другую сторону.

Цвет в этом городе принадлежал не тому, кто его имеет, а тому, кто смотрит.

На пустыре росла полынь выше человека. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

«Оптик, я пишу тебе на тумане, потому что бумага в этом городе честнее меня. Если не дойдёт — виноват ветер, а не я.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Ни дождь, ни хозяин не обязаны объяснять, почему так вышло.

На крыльце стояли сапоги и в них была вода. Асфальт блестел так, что город можно было прочитать вверх ногами.

Свист держал коробку с мелом и не открывал на мосту через Мутную.

— Дождь пойдёт? — спросила Индиго. — Дождь уже идёт, — сказал Семирах. — Просто в другую сторону.

Каждый раз, когда город молчит, ему кажется, что он думает.

У памятника дождю лежал букет, которого там не было вчера. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Один поднятый взгляд считается за два, если он детский.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

На перекрёстке стоял регулировщик и не двигался. На заборе висела куртка, забытая с осени.

Капа дышал на ладони у старого фонаря.

— Что ты видишь? — спросил Громыч. — Крыши, — сказал Оптик. — И ни одного человека на них.

Онаа считалаа минуты, потому что считать часы было слишком страшно.

Между домами был проход, где ветер менял направление без объяснений. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Расписание закатов, неделя 9. Начало: Одиннадцать минут до дождя. Продолжительность: 11 минут. Примечание: записать и забыть.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

Сводка № 149. Участок: на площади, где парковка. Время: Одиннадцать минут до дождя. Взглядов: 180. Отклонение: дождь не по графику.

Бумага была важнее события: событие забывали, номер оставался.

Предписание № 30. Запретить ночное стояние над на балконе, где сушат бельё до Одиннадцать минут до дождя. Исполнитель: совет.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

Радуга живёт, пока на неё смотрят хотя бы двое.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Он подумал, что мост нужен не для перехода, а для доказательства.

«Руж, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрела сама.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Вода принимает форму, а свет — мнение, и в этом вся разница.

На лодочной станции лодки были перевёрнуты и засыпаны снегом. Около элеватора стояла машина с открытым капотом и мокрым крылом.

Руж листала расписание и не находила нужной строки в трамвае, который идёт в депо.

— Дождь пойдёт? — спросила Кучевая. — Дождь уже идёт, — сказал Громыч. — Просто в другую сторону.

На площади было на четыре машины больше, чем ума.

Из открытого окна шло радио, где говорили о посевной. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Правило старше того, кто его исполняет, и это его главная беда.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. От дождя не прячутся те, кому некуда идти, — но таких здесь было больше, чем казалось.

На двери подъезда висело объявление «не хлопать». На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине.

Семирах переступал через лоток с водой в саду, где яблони не плодоносят.

— Ты видела совет? — спросила Пип. — Видел, — сказал Семирах. — Они сидят ровно.

Дождь — это единственная форма честности, доступная небу.

Из открытого окна шло радио, где говорили о посевной. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

«Руж, я пишу тебе на тумане, потому что бумага в этом городе честнее меня. Если не дойдёт — виноват ветер, а не я.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Свет не спорил и не убеждал, он просто был, и это было сильнее.

«Индиго, я пишу тебе на тумане, потому что бумага в этом городе честнее меня. Если не дойдёт — виноват ветер, а не я.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Кто-то в этом городе всегда смотрит вверх — и это меняет погоду.

Учёт взглядов, день 159. Зафиксировано: 1 взглядов и шестой цвет бледнее. Примечание: запросить взгляды.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

Акт осмотра № 258. Шестой цвет: бледнеет. Состояние: шестой цвет бледнее. Вывод: запросить взгляды.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

В подъезде пахло мокрой шерстью и холодными котлетами. В луже плавал билет и не тонул.

Пип перевязывала шнурок, чтобы потянуть время в подъезде с синей краской.

— Там кто-то есть? — спросил Капа. — Там туман, — сказала Кучевая. — Это почти одно и то же.

Свет был не белый и не серый, а такой, о который можно опереться.

Асфальт блестел так, что город можно было прочитать вверх ногами. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

* * *

Утром Индиго не спала. Радуги спят в своей стихии — дневные днём, ночные ночью, — и если ночная радуга не спит днём, то к вечеру она бледнеет. Индиго лежала на своей туче над озером, смотрела в закрытое небо и думала слово «долго».

Почему «долго»?

Она хотела сказать «здравствуй». Или «ты чего не спишь». Или «ты красивая». Но все эти слова были цветные, а она не знала, каким цветом говорит с дневной радугой, и поэтому сказала единственное, что было точным: она ждала этой встречи долго. Дольше, чем существует радуга. Всю жизнь, которая у неё была.

— Ты странно выглядишь, — сказала туча. Тучи говорят редко, но метко. — Ты светишься.

— Я не свечусь, — сказала Индиго. — Я синяя.

— Ты светишься, — повторила туча. — Ночью так не бывает.

Ночью так действительно не бывает: ночные радуги не светятся, они отражают. Они как луна — свет чужой, ночь своя. А Индиго в то утро светилась, будто внутри у неё включили фонарик.

На камне посреди реки сидела цапля и не двигалась. У водостока стояла вода и в ней отражался весь фонарь.

Кучевая настраивала фонарь на смотровой площадке.

— Дождь пойдёт? — спросила Индиго. — Дождь уже идёт, — сказала Пип. — Просто в другую сторону.

Небо в тот вечер было как несданная работа: красивое, но с ошибкой.

По реке шёл лёд, хотя был сентябрь. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В подъезде на стене кто-то нарисовал радугу четырьмя цветами и подписал «потом дорисую». В луже отражалась вывеска, и она была правильной.

Кучевая ставила ногу точно в след у ларька с мороженым.

— Ты видел совет? — спросил Оптик. — Видел, — сказал Капа. — Они сидят ровно.

К семи вечера все решения становятся погодой.

В окне второго этажа горела лампа под голубым абажуром. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». На камне посреди реки сидела цапля и не двигалась.

Индиго ставила ногу точно в след у забора с колючей проволокой.

— В дождь все одинаковые, — сказал Громыч. — В дождь все честные, — поправила Пип.

Иногда надо просто поднять голову — это стоит дешевле любого дождя.

У стены лежали доски, и на них уже вырос мох. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

У памятника дождю лежал букет, которого там не было вчера. На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине.

Оптик настраивал фонарь у ворот рынка.

— Ты не похожа на радугу, — сказал Оптик. — Сегодня — нет, — ответила Индиго.

Дождь — это единственная форма честности, доступная небу.

На рынке распродавали прошлогодние краски по причине отсутствия сезона. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Пацан на велосипеде объехал лужу и всё равно попал в неё. Фонарь мигал в ритме, который никто не настраивал.

Семирах щурился на закат у водостока.

— Скажи мне, что делать, — попросила Пип. — Смотри, — сказал Семирах. — Это всё, что требуется.

К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

На перекрёстке стоял регулировщик и не двигался. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Радуга живёт, пока на неё смотрят хотя бы двое.

Капа прочитал его вслух и впервые услышал, как оно звучит. Он думал о том, что если свет идёт снизу, то и причина внизу.

Сводка № 119. Участок: на лестнице пожарной части. Время: Четыре часа до темноты. Взглядов: 2. Отклонение: туман в низине.

Бумага была важнее события: событие забывали, номер оставался.

Если небо работает, город обязан работать тоже.

Никто не помнил, кто это написал, но все помнили, что так надо. Онаа моглаа скатиться в обиду, но вместо этого села на камень и стала считать.

Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким. На стадионе дети играли в футбол в два мяча.

Индиго спорила с оптиком о природе радуги у водостока.

— Оно того стоит? — спросила Пип. — Не знаю, — ответил Семирах. — Но я ещё не всё сделал.

Погода в Мультяшвиле была единственным жанром, в котором все разбирались.

На перекрёстке стоял регулировщик и не двигался. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Семирах, у нас всё тихо: дождь, чай, чужие шаги за стеной. Тихо — это не значит хорошо.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Сколько бы ни было правил, вода остаётся водой.

Из котельной шёл пар, и в нём стояла радуга, никем не заказанная. В луже отражалась вывеска, и она была правильной.

Кучевая держала паузу длиннее, чем нужно на крыше булочной.

— Там кто-то есть? — спросил Семирах. — Там туман, — сказал Капа. — Это почти одно и то же.

Мелки были дешёвые, а правда — не очень.

В киоске продавали календари прошлого года со скидкой. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

«Индиго, если это письмо прочтут не ты, а совет, — значит, я написала правду.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. До семи сорока двух можно было не решать ничего вообще.

«Руж, если ты не ответишь, я не обижусь. Я только перестану считать дни по-другому.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Всё было бы просто, если бы у неба был администратор.

У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица. У водостока стояла вода и в ней отражался весь фонарь.

Руж смотрела на башню и ждала сигнала на мосту через Мутную.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Оптик. — Надо было давно, — ответил Семирах.

Онаа не бояласьа тумана; она бояласьа того, что там не будет никого.

Кто-то привязал к скамейке ленту и не объяснил зачем. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

В подвале капало в таз, и таз был полон. Водокачка стояла без воды с прошлой осени.

Индиго делала вид, что читаета афишу на автостанции в шесть утра.

— У нас есть время? — спросила Пип. — До семи сорока двух, — сказал Оптик.

Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

В детском саду на стене висел рисунок: две дуги и подпись «мама и папа». Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Акт осмотра № 25. Шестой цвет: бледнеет. Состояние: шестой цвет бледнее. Вывод: не требуется.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

В трамвае объявляли остановку, которой нет. В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине.

Пип молчала громче всех на автовокзале.

— В дождь все одинаковые, — сказал Свист. — В дождь все честные, — поправил Громыч.

Кто-то в этом городе всегда смотрит вверх — и это меняет погоду.

В котельной было теплее, чем в квартирах, и туда заходили греться. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

«Руж, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрела сама.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Совесть у города была в виде девочки с мелками.

В парикмахерской говорили о том, что очередь — это форма протеста. В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно».

Кучевая приносила чай в двух стаканах на балконе пятого этажа.

— Это приказ? — спросила Руж. — Это погода, — ответил Свист. — С приказами у нас плохо.

Свет — единственное, что даёт бесплатно, и единственное, чего всегда мало.

У переезда шлагбаум поднимался медленно, будто нехотя. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Совет собирается на восточной окраине, где ветер.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. Если тебя видят четверо, этого мало; если двое — этого ровно столько, сколько есть.

На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном». У рынка стоял грузовик с надписью «овощи-фрукты» и пустым кузовом.

Свист ждал, пока кончится дождь у ларька с мороженым.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Громыч. — Надо было давно, — ответила Индиго.

Никто не верит в радугу, пока не промокнет до нитки.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В школьном окне горели все лампы, хотя был день. У школьных ворот стояли трое и спорили, будет ли снег.

Свист делал вид, что читает афишу на смотровой площадке.

— Ты не похожа на радугу, — сказал Громыч. — Сегодня — нет, — ответила Индиго.

Вечер пах краской, мокрой тканью и надеждой, что завтра будет суше.

За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно». Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким.

Громыч щурился на закат в переулке, где не ловит телефон.

— Почему именно сегодня? — спросила Руж. — Потому что завтра будет дождь, — сказал Свист.

Тот, кто сказал «просто смотри», не был на совете радуг.

На пустыре росла полынь выше человека. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

В школьном коридоре пахло мелом и мокрыми куртками. В саду не цвели яблони, и это уже никого не удивляло.

Оптик пересчитывал фонари на огородах за городом.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Свист. — Надо было давно, — ответил Семирах.

Каждый раз, когда город молчит, ему кажется, что он думает.

На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

«Индиго, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрела сама.»

Бумага была мокрая, но читалось всё. Главная беда Мультяшвиля была не в погоде, а в перспективе.

«Руж, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрела сама.»

Ответа не последовало, и это тоже был ответ. Вода принимает форму, а свет — мнение, и в этом вся разница.

Из котельной шёл пар, и в нём стояла радуга, никем не заказанная. У переезда шлагбаум опустили вручную, потому что мотор мёрз.

Пип дышала на ладони у трансформаторной будки.

— Ты сказал это вслух, — заметила Пип. — Я и хотела вслух, — ответила Кучевая.

К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

У памятника дождю лежал букет, которого там не было вчера. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Распоряжение № 172 по управлению погодой. Время заката: Семь сорок две. Дождь заказан: 1. Основание: доложить на совет.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». В окне первого этажа показывали мультик без звука.

Свист смотрел наверх на площади у старой ивы.

— Мне холодно, — сказала Пип. — Это не холод, — сказал Семирах. — Это ветер с озера.

Иногда достаточно одного человека, который не отвёл глаза.

У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

На двери подъезда висело объявление «не хлопать». В саду не плодоносили яблони, зато цвела сирень.

Индиго смотрела на башню и ждала сигнала на балконе пятого этажа.

— Ты уверен? — спросил Семирах. — Нет, — сказала Пип. — Но я пойдуа.

Небо в тот вечер было как несданная работа: красивое, но с ошибкой.

В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно». В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине. У дома с башенкой была вывеска «Аптека № 1» и вторая, старее, «Гастроном».

Кучевая спорила с оптиком о природе радуги на пустыре за гаражами.

— В дождь все одинаковые, — сказала Руж. — В дождь все честные, — поправила Кучевая.

Город держался на привычке, а привычка — на том, что никто не спрашивает.

На подоконнике лежал билет в кино на прошлую среду. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На камне посреди реки сидела цапля и не двигалась. В трамвае было семь человек и один контролёр.

Кучевая разносила объявления по подъездам на мосту через Мутную.

— Кто дал тебе это право? — спросил Громыч. — Никто, — сказала Пип. — Я сама взяла.

Если тебя перестали видеть, это ещё не значит, что тебя нет.

На балконе стояла банка с водой и в ней ветка. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Расписание закатов, неделя 140. Начало: Одиннадцать минут до дождя. Продолжительность: 2 минут. Примечание: доложить на совет.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

В переулке не ловил телефон, и это всех устраивало. На заборе висело объявление: «Смотреть вверх не более двух минут».

Семирах смотрел в лужу и ждал, когда в ней что-то изменится на камне посреди реки.

— Не надо, — сказал Капа. — Поздно, — сказала Руж. — Я уже начала.

Всё это было похоже на разговор двух людей, которые не умеют ссориться.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Руж, если ты поднимешь голову в семь сорок две, ты увидишь то, о чём я молчала два года.»

Бумага была мокрая, но читалось всё. Самые важные вещи в Мультяшвиле происходят в восьми минутах от фонаря.

У ларька женщина покупала семечки и говорила про сына. На крыше булочной сидел мальчик и записывал что-то в тетрадь.

Оптик переставлял ноги по бордюру у железнодорожного переезда.

— Кто дал тебе это право? — спросила Индиго. — Никто, — сказал Свист. — Я сам взял.

Он знал одно: если молчать слишком долго, молчание становится ответом.

Кто-то мелом написал на асфальте «7:42» и обвёл. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Из соседнего окна пахло вареньем и сгоревшим сахаром. У памятника дождю кто-то поправил табличку.

Оптик ставил ногу точно в след над озером.

— Ты видишь? — тихо спросила Пип. — Вижу, — ответила Индиго. — Только это никого не спасает.

Было бы проще, если бы у совета была совесть, а не расписание.

Из котельной шёл пар, и в нём стояла радуга, никем не заказанная. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Голубь сидел на голове памятника дождю и был совершенно спокоен. На крыльце стояли сапоги и в них была вода.

Оптик разглядывал трещину в асфальте в школьном дворе.

— Оно того стоит? — спросила Индиго. — Не знаю, — ответила Пип. — Но я ещё не всё сделала.

Онаа не собираласьа побеждать: она собираласьа не исчезнуть.

Кто-то привязал к скамейке ленту и не объяснил зачем. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

«Семирах, у нас всё тихо: дождь, чай, чужие шаги за стеной. Тихо — это не значит хорошо.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Всё, что было важно, держалось на одном гвозде и двух фонарях.

В окне почты горел свет, а дверь была заперта. У переезда шлагбаум поднимался медленно, будто нехотя.

Оптик считал окна в доме напротив на крыльце библиотеки.

— Ты сказал это вслух, — заметила Руж. — Я и хотел вслух, — ответил Семирах.

К семи вечера все решения становятся погодой.

На подоконнике лежал билет в кино на прошлую среду. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

«Индиго, у нас всё тихо: дождь, чай, чужие шаги за стеной. Тихо — это не значит хорошо.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. Всё, что было важно, держалось на одном гвозде и двух фонарях.

Мокрая кошка сидела на подоконнике и смотрела на закат с презрением. На перекрёстке стоял регулировщик и не двигался.

Семирах молчал громче всех в палисаднике.

— Ты боишься? — спросила Кучевая. — Боюсь. Но мне надоело бояться одного и того же.

Тот, кто не смотрит вверх, всё равно живёт под небом.

За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

«Руж, в городе говорят, что радуга — к морозу. Не верь, это пишут те, кто не смотрел.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Он подумал, что мост нужен не для перехода, а для доказательства.

Расписание закатов, неделя 198. Начало: Семь сорок две. Продолжительность: 11 минут. Примечание: доложить на совет.

Бумага была важнее события: событие забывали, номер оставался.

* * *

Вечером она пришла на то же место. Не потому, что решила, а потому, что ноги сами.

Радуга в башню не влюбляется, но маршрут у неё один на всю жизнь: если радуга родилась над озером, она будет ходить над озером, пока её не развеет. Индиго попробовала пойти на север, к элеватору, где было пусто и спокойно. Пробыла там час, посмотрела на весы для зерна и вернулась.

— Привет, — сказала Руж.

Она была на башне, и она улыбалась так, будто всю ночь репетировала улыбку и наконец рискнула.

Индиго не умела улыбаться. У неё получилось что-то среднее между «нет» и «спасибо».

— Ты кто? — спросила Руж снова.

— Индиго, — сказала ночная радуга. — Я ночная.

— Я знаю. Я видела.

— Ты не должна была видеть. Мы не показываемся.

— А я не должна была не спать. Но не спится.

Они стояли друг напротив друга: одна на башне, другая над озером, между ними — двести метров тёмного воздуха, запах мокрой травы и фонарь, который мигал.

— Почему ты говоришь вполголоса? — спросила Руж.

— Потому что ночью громко не надо. Ночью все спят. Если ты заговоришь громко, ты разбудишь человека, и он испугается, и больше не поднимет голову. Однажды я так испугала старушку. Она шла с кефиром и уронила кефир. Я до сих пор помню, как он разлился.

Руж засмеялась — громко, на весь пустырь.

— Тише! — сказала Индиго.

— Ой. Прости. Я дневная, у меня громко по умолчанию.

Они замолчали. Молчание у них получилось очень хорошее, какое бывает только между теми, кто ещё не знает, о чём говорить, но уже не хочет уходить.

— Слушай, — сказала наконец Руж. — А ты можешь прийти днём?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не из света. Я из отражения. Днём солнце перебивает меня, и я исчезаю. Это не запрет, это физика.

— А я не могу прийти ночью. Ночью нет солнца, а без солнца я не держусь. Я оседаю. Как сахар в чае.

— Значит, мы не можем, — сказала Индиго.

Она сказала это ровно, как говорят «дождь идёт» или «магазин закрыт». Она всю жизнь говорила ровно, потому что ровный голос не выдаёт, когда тебе больно.

Руж посмотрела на неё долго.

— Не можем, — согласилась она. — Но давай не будем решать это сегодня. Сегодня мы можем. Сейчас. Вон та туча.

Индиго оглянулась. Туча действительно стояла.

И они провисели до четырёх утра, разговаривая о пустяках: о том, что товарный поезд в час ночи всегда стучит на одном и том же стыке, о том, что в булочной Бублика лучшие в городе булки с маком, о том, что радуги не умеют плавать, но очень хотят.

Когда восток стал серым, Индиго сказала:

— Уходи. Сейчас взойдёт.

— Угу, — сказала Руж.

Она не двинулась.

— Руж.

— Угу.

— Уходи, тебе говорят.

— Я не хочу.

— Тебя развеет, — сказала Индиго, и голос у неё впервые за всю жизнь дрогнул. — Понимаешь? Свет войдёт в тебя вместе с другим светом, и ты станешь не радугой, а белым пятном. Тебя не будет. Пожалуйста.

И Руж ушла — не потому, что испугалась, а потому, что в первый раз в жизни кто-то сказал ей «пожалуйста» не из вежливости.

Глава 3. Как разговаривают радуги

Радуги разговаривают не словами, а порядком цветов. Это как порядок слов в предложении: можно сказать «я тебя люблю» и можно сказать «люблю тебя я», и это будет уже другое.

У радуг есть семь базовых сигналов.

Первый — весь спектр сверху вниз, медленно. Это «здравствуй, я здесь, посмотри на меня, если есть время».

Второй — красный по краям, зелёный в середине. Это «мне тревожно».

Третий — полосой, тонко, быстро. Это «иди сюда».

Четвёртый — два цвета, которые рядом не стоят: оранжевый и фиолетовый. Это «я не знаю, как это сказать».

Пятый — вспышка белого по всей дуге. Это «прости».

Шестой — очень медленное гашение, цвет за цветом, от красного к голубому. Это самое тяжёлое: это «я устал быть».

А седьмой сигнал — его придумали не радуги, а люди: радуга, которая стоит на месте слишком долго и ничего не говорит, называется «та, что ждёт».

Руж выучила седьмой сигнал случайно. Она стояла над пустырём и ничего не говорила, и её никто не видел, кроме Индиго, потому что было три часа ночи и все спали.

— Ты чего? — спросила Индиго.

— Я думаю.

— О чём?

— О том, что мы разговариваем раз в сутки по два часа, если есть туча. И всё.

Индиго помолчала.

— Есть почта, — сказала она.

— Какая почта?

— Ветер. Свист. Он летает и днём, и ночью. Он может носить.

— А разве он носит?

— Он носит газеты, — сказала Индиго. — И один раз носил шляпу. Шляпа улетела в реку. Но он старался.

«Оптик, передаю через Семирах: у нас забрали свет на три дня. Не пугайся, если не увидишь меня.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Смотреть на город сверху было почти неприлично — как читать чужое письмо.

«Индиго, если ты не ответишь, я не обижусь. Я только перестану считать дни по-другому.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. Дети верят в правила до первого честного вопроса.

На насыпи горел костёр, и вокруг никого. У гаражей пахло бензином и мокрой собакой.

Громыч мерил шагами расстояние до ивы в саду, где яблони не плодоносят.

— Ты обещаешь? — спросил Капа. — Я обещаю не врать, — ответил Громыч. — Это больше.

Тишина в Мультяшвиле всегда была слышной: у неё был цвет.

На подоконнике лежал билет в кино на прошлую среду. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На крыше гаража стоял рубероид и блестел, как вода. На заборе висело объявление: «Смотреть вверх не более двух минут».

Кучевая держала паузу длиннее, чем нужно на огородах за городом.

— Оно того стоит? — спросил Семирах. — Не знаю, — ответил Громыч. — Но я ещё не всё сделал.

Совесть у города была в виде девочки с мелками.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери». На столбе объявлений кто-то сорвал половину афиши.

Индиго жала руки сама себе на водонапорной башне.

— Ты боишься? — спросила Кучевая. — Боюсь. Но мне надоело бояться одного и того же.

Это была ошибка, но ошибка правильного человека.

У ларька с мороженым зимой продавали пельмени. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Расписание закатов, неделя 109. Начало: Семь сорок пять. Продолжительность: 3 минут. Примечание: доложить на совет.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

У ларька женщина покупала семечки и говорила про сына. Кто-то вывесил на площади график закатов и подчеркнул седьмое число.

Кучевая считала капли на карнизе на автобусной остановке.

— Там кто-то есть? — спросила Руж. — Там туман, — сказала Кучевая. — Это почти одно и то же.

Говорить с каплей — это почти как говорить с собой, только капля умнее.

У трансформаторной будки гудело так, что закладывало уши. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В трубе за стеной гудело, как гудит большая вода далеко. В подвале капало в таз, и таз был полон.

Капа оглядывался на башню у пивного ларька.

— Оставь меня, — сказал Громыч. — Хорошо, — сказала Руж. — Только я посижу тут.

Если тебя видят четверо, этого мало; если двое — этого ровно столько, сколько есть.

По проводам шли птицы и садились через две. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На водонапорной башне крутился флюгер в виде рыбы. В окне второго этажа горела лампа под голубым абажуром.

Руж проверяла, не погас ли шестой цвет на рынке, где торгуют редисом.

— Ты почему не спишь? — спросил Свист. — Работаю, — сказал Семирах. — У меня смена до утра.

Он не умел красиво говорить, зато умел быть вовремя.

Сосулька на карнизе выросла за ночь на два пальца. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Кто-то нарисовал мелом стрелку, и она указывала не туда. У водокачки стояла очередь из трёх человек и ведра.

Капа слушал, как в трубе перекатывается вода у киоска с газетами.

— Это далеко? — спросила Руж. — Восемь минут пешком, — сказал Громыч. — Только пешком никто не ходит.

Снег летом — это не чудо, а расписание, с которым что-то пошло не так.

В трамвае было семь человек и один контролёр. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Кто-то оставил на скамейке перчатки, и они уже намокли. Пахло мокрой пылью, как бывает в августе, когда всё уже решено.

Индиго спорила с оптиком о природе радуги на автостанции в шесть утра.

— Оставь меня, — сказал Семирах. — Хорошо, — сказал Громыч. — Только я посижу тут.

Свет был не белый и не серый, а такой, о который можно опереться.

В водосточной трубе что-то пело на одной ноте. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Снег лежал на балконах там, где никто не убирал с прошлой зимы. Возле аптеки стояли две женщины и обсуждали, что радуга — это к морозу.

Громыч оглядывался на башню у старого элеватора.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Оптик. — Надо было давно, — ответила Пип.

Город держался на привычке, а привычка — на том, что никто не спрашивает.

На балконе стояла банка с водой и в ней ветка. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Протокол наблюдения № 312. Объект: участок неба над у забора с колючей проволокой. Видимость: полная. Отклонение: дождь не по графику. Мер принято: предупредить радугу.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

Радуга живёт, пока на неё смотрят хотя бы двое.

Руж прочитала его вслух и впервые услышала, как оно звучит. Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

В подъезде на стене кто-то нарисовал радугу четырьмя цветами и подписал «потом дорисую». Снег лежал на балконах там, где никто не убирал с прошлой зимы.

Индиго переступала через лоток с водой на берегу, где стоят лодки.

— Как это называется? — спросила Руж. — Никак, — сказала Кучевая. — Если назвать, придётся отвечать.

Он не умел красиво говорить, зато умел быть вовремя.

В переулке было так сыро, что плесень зацвела на заборе. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

«Индиго, я виделась с Пип. Здоровались. Это значит меньше, чем мы оба хотели.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Дождь — это единственная форма честности, доступная небу.

На лестнице пожарной части сушились рукавицы. Возле аптеки стояли две женщины и обсуждали, что радуга — это к морозу.

Кучевая молчала громче всех у дома с башенкой.

— Ты уверен? — спросил Капа. — Нет, — сказала Кучевая. — Но я пойдуа.

Пересчитанные фонари — это способ не думать о главном.

В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

У стадиона стояли ворота без сетки. На подоконнике лежал билет в кино на прошлую среду.

Семирах клеил объявление об отмене на пустыре за гаражами.

— Ты почему не спишь? — спросила Пип. — Работаю, — сказала Руж. — У меня смена до утра.

В городе считали, что видеть — это профессия. Город ошибался не в этом.

У котельной грелись двое и спорили о футболе. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

В киоске продавали календари прошлого года со скидкой. У стены лежали доски, и на них уже вырос мох.

Индиго смотрела в лужу и ждала, когда в ней что-то изменится в подъезде с синей краской.

— Мне холодно, — сказала Руж. — Это не холод, — сказала Индиго. — Это ветер с озера.

Никто не хотел быть первым, поэтому первым оказался ребёнок.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

В саду не цвели яблони, и это уже никого не удивляло. На балконе сушилось бельё, которое никто не снимал неделю.

Руж прислушивалася к трубе у старого элеватора.

— Что с небом? — спросил Свист. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Дети верят в правила до первого честного вопроса.

На стене осталась тень от старой вывески «Гастроном». Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Цвет выгорает от невнимания, а не от времени.

Правило висело на площади под стеклом, и стекло было мокрое. Небо в тот вечер было как несданная работа: красивое, но с ошибкой.

Лоток с водой стоял на подоконнике и отражал весь проспект целиком. На заборе висело объявление: «Смотреть вверх не более двух минут».

Пип слушала шум в трубах на огородах за городом.

— Дождь пойдёт? — спросил Громыч. — Дождь уже идёт, — сказал Капа. — Просто в другую сторону.

Главная беда Мультяшвиля была не в погоде, а в перспективе.

Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

На стадионе дети играли в футбол в два мяча. В окне почты горел свет, а дверь была заперта.

Индиго прислушивалася к трубе в трамвае, который идёт в депо.

— Ты боишься? — спросила Пип. — Боюсь. Но мне надоело бояться одного и того же.

Иногда надо просто поднять голову — это стоит дешевле любого дождя.

В подворотне играли в карты двое и один смотрел. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

На двери подъезда висело объявление «не хлопать». На насыпи горел костёр, и вокруг никого.

Кучевая переступала через лоток с водой на водонапорной башне.

— У нас есть время? — спросил Семирах. — До семи сорока двух, — сказала Пип.

Кто-то должен был стоять здесь, даже если ничего не случится.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В переулке не ловил телефон, и это всех устраивало. В котельной было теплее, чем в квартирах, и туда заходили греться.

Пип рисовала на асфальте то, чего не было у ларька с мороженым.

— У нас есть время? — спросил Капа. — До семи сорока двух, — сказал Семирах.

Онаа моглаа скатиться в обиду, но вместо этого села на камень и стала считать.

На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери». В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

В кассе автовокзала не было сдачи, и очередь стояла тихо. На теплотрассе сушили валенки и ругались на трубы.

Пип проверяла, работает ли шестой цвет на берегу, где стоят лодки.

— У нас есть время? — спросил Громыч. — До семи сорока двух, — сказала Индиго.

Ветер приносил не новости, а запах перемен, и это было одно и то же.

В киоске с газетами продавали открытки с радугой за двадцать копеек. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Под козырьком остановки стояли семеро и не сказали друг другу ни слова. По проводам шли птицы и садились через две.

Пип придумывала правило и тут же его отменяла за котельной, где теплее.

— Кто решает? — спросил Свист. — Тот, кто помнит, — ответила Пип. — А помнит у нас никто.

В такие минуты понимаешь: город живёт не на земле, а в чужих взглядах.

На реке был туман ровно до середины. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Никто не помнил, кто это написал, но все помнили, что так надо. Всё небо было занято, и в этом была своя честность.

Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким. У ларька с мороженым зимой продавали пельмени.

Кучевая разговаривала с громом по делу на лодочной станции.

— Там кто-то есть? — спросила Руж. — Там туман, — сказал Семирах. — Это почти одно и то же.

Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

На крыше булочной сидел мальчик и записывал что-то в тетрадь. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

«Семирах, если это письмо прочтут не ты, а совет, — значит, я написал правду.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. В такие минуты понимаешь: город живёт не на земле, а в чужих взглядах.

Сосулька на карнизе выросла за ночь на два пальца. На реке был туман ровно до середины.

Капа разворачивал конфету очень медленно у дома с башенкой.

— Сколько сегодня? — спросил Оптик. — Ноль, — сказал Семирах.

Онаа считалаа минуты, потому что считать часы было слишком страшно.

В булочной выпекали хлеб с изюмом и называли его радужным. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Семирах, если это письмо прочтут не ты, а совет, — значит, я написал правду.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Было бы проще, если бы у совета была совесть, а не расписание.

Распоряжение № 161 по управлению погодой. Время заката: Одиннадцать минут до дождя. Дождь заказан: 41. Основание: доложить на совет.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери». У памятника дождю кто-то поправил табличку.

Кучевая учила Пип завязывать узел на память на повороте к элеватору.

— Ты обещаешь? — спросила Индиго. — Я обещаю не врать, — ответила Кучевая. — Это больше.

Если тебя перестали видеть, это ещё не значит, что тебя нет.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Асфальт блестел так, что город можно было прочитать вверх ногами. По реке шёл лёд, хотя был сентябрь.

Семирах учил Пип завязывать узел на память у школьных ворот.

— Как это называется? — спросила Индиго. — Никак, — сказал Оптик. — Если назвать, придётся отвечать.

Было бы проще, если бы у совета была совесть, а не расписание.

В подворотне играли в карты двое и один смотрел. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Если небо работает, город обязан работать тоже.

Правило висело на площади под стеклом, и стекло было мокрое. Онаа не хотелаа трогать правила, но правила сами её трогали.

В трамвае объявляли остановку, которой нет. В луже плавал билет и не тонул.

Капа грел руки о кружку у ворот старого кладбища.

— Ты видел совет? — спросил Оптик. — Видел, — сказал Капа. — Они сидят ровно.

Если тебя видят четверо, этого мало; если двое — этого ровно столько, сколько есть.

У элеватора работал погрузчик без выхлопа. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине. У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица.

Оптик оглядывался на башню на водонапорной башне.

— Ты почему не спишь? — спросила Руж. — Работаю, — сказал Семирах. — У меня смена до утра.

Онаа не хотелаа трогать правила, но правила сами её трогали.

На заборе висела куртка, забытая с осени. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица. Из соседнего окна пахло вареньем и сгоревшим сахаром.

Свист объяснял капле, как устроен город на балконе пятого этажа.

— Это далеко? — спросил Свист. — Восемь минут пешком, — сказала Кучевая. — Только пешком никто не ходит.

Дети верят в правила до первого честного вопроса.

На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Совет собирается на восточной окраине, где ветер.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Он не любил объяснять: объяснения портили простые вещи.

В окне почты горел свет, а дверь была заперта. На рынке распродавали прошлогодние краски по причине отсутствия сезона.

Семирах разносил объявления по подъездам у ворот старого кладбища.

— Ты не похожа на радугу, — сказала Кучевая. — Сегодня — нет, — ответил Семирах.

В городе было принято объясняться метеосводкой, а не словами.

В булочной выпекали хлеб с изюмом и называли его радужным. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

«Руж, у нас режут свет на три части, чтобы хватило всем. Хватает не всем.»

Бумага была мокрая, но читалось всё. Он не любил объяснять: объяснения портили простые вещи.

На рынке продавали зонты двух цветов: чёрные и в горох. Мокрая кошка сидела на подоконнике и смотрела на закат с презрением.

Капа переставлял ноги по бордюру на автовокзале.

— Они не поднимут голову, — сказала Кучевая. — Один поднимет, — сказал Оптик. — С этого всё начинается.

Сколько бы ни было правил, вода остаётся водой.

У перехода стояла девочка с коробкой мелков, и её никто не останавливал. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

* * *

Свиста нашли на крыше элеватора, где он спал, зацепившись хвостом за антенну.

— Свист! — крикнула Руж. — Свист, вставай, дело!

— Не встану, — сказал ветер, не открывая глаз. — У меня ночная смена.

— Сейчас день.

— У меня ночная смена была. Вчера. Я устал.

— Свист.

— Ну чего.

— Ты можешь отнести письмо?

Ветер открыл один глаз. Потом второй. Потом сел и посмотрел на них двоих по очереди: на дневную радугу, которая светилась так, что на неё было больно смотреть, и на ночную, которая висела в тени элеватора и старалась быть незаметной, что у неё получалось плохо.

— О-о-о, — сказал Свист. — О-о-о-о.

— Не «о-о-о», — сказала Руж. — Просто письмо.

— Между днём и ночью? — Свист присвистнул, что было в его случае тавтологией. — Девочки, вы понимаете, что просите? Я не курьер, я ветер. Я разгоняю тучи, гоняю листья, ломаю зонты у граждан. У меня нет сумки.

— У тебя есть крылья.

— У меня нет крыльев, у меня есть направление.

— Свист.

— Ладно. Ладно! — Ветер потянулся так, что у элеватора заскрипела антенна. — Что писать?

Руж задумалась. Она не умела писать. Радуги не пишут, они светят.

— Скажи ей, — начала она медленно, — что я сегодня утром стояла над площадью и смотрела на шестой цвет. Он у меня бледный. И я подумала: а какого цвета была бы я, если бы меня никто никогда не видел?

— Это не письмо, — сказал Свист. — Это философия.

— Это письмо.

— Это философия, но я передам.

Ветер свистнул и ушёл — наискосок, через крыши, сбив по дороге бельё у прачки.

Через сорок минут он вернулся. Вид у него был озадаченный.

— Передал, — сказал он. — Она ответила.

— Что она сказала?

— Она сказала: «Скажи ей, что серой быть не страшно. Страшно быть серой одной».

Руж молчала так долго, что Свист начал нервно перебирать хвостом антенну.

— Она так и сказала? — спросила Руж наконец.

— Она сказала короче. Она сказала три цвета: синий, зелёный, белый. Но я перевёл, у меня хороший перевод.

— А что это значит? — спросила Руж. — По-радужному?

Свист вдруг стал серьёзным, и это было на него не похоже.

— Синий — это работа. Зелёный — это живое. Белый — это то, что нельзя назвать, — сказал он. — По-радужному это значит: «я работаю, я живу, и есть то, чего я не могу сказать». Она тебе не ответила. Она тебе показала.

«Оптик, передаю через Руж: у нас забрали свет на три дня. Не пугайся, если не увидишь меня.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Онаа не хотелаа трогать правила, но правила сами её трогали.

На насыпи горел костёр, и вокруг никого. В окне первого этажа показывали мультик без звука.

Руж ждала, пока кончится дождь у ворот старого кладбища.

— Мне холодно, — сказала Индиго. — Это не холод, — сказал Громыч. — Это ветер с озера.

Город был устроен как театр, где зрители сидят спиной.

Из котельной шёл пар, и в нём стояла радуга, никем не заказанная. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

В переулке было так сыро, что плесень зацвела на заборе. На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери».

Громыч мат в кармане мелочь у кирпичной водокачки.

— Скажи честно, — попросил Оптик. — Честно — я не знаю, — сказал Громыч.

Онаа не бояласьа тумана; она бояласьа того, что там не будет никого.

Кто-то привязал к скамейке ленту и не объяснил зачем. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

В парикмахерской сохли полотенца на батарее. У перехода стояла девочка с коробкой мелков, и её никто не останавливал.

Кучевая куталася в шарф на стадионе.

— Они не поднимут голову, — сказала Индиго. — Один поднимет, — сказала Кучевая. — С этого всё начинается.

Сколько бы ни было правил, вода остаётся водой.

У дома с башенкой была вывеска «Аптека № 1» и вторая, старее, «Гастроном». В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

«Семирах, в городе пошёл дождь снизу вверх. Передай своим, что небо ещё работает.»

Бумага была мокрая, но читалось всё. Вечер пах краской, мокрой тканью и надеждой, что завтра будет суше.

Кто-то оставил на скамейке перчатки, и они уже намокли. На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил.

Свист считал шаги между столбами на водонапорной башне.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Громыч. — Надо было давно, — ответила Руж.

Тот, кто сказал «просто смотри», не был на совете радуг.

В окне почты горел свет, а дверь была заперта. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

В детском саду на стене висел рисунок: две дуги и подпись «мама и папа». В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине.

Пип переступала через лоток с водой у киоска с газетами.

— Что ты видишь? — спросил Капа. — Крыши, — сказал Семирах. — И ни одного человека на них.

Город был устроен как театр, где зрители сидят спиной.

Асфальт блестел так, что город можно было прочитать вверх ногами. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

С крыши капало точно по секундомеру — тридцать два раза в минуту. В саду не цвели яблони, и это уже никого не удивляло.

Громыч делал зарубку на фонаре у ворот старого кладбища.

— Ты видишь? — тихо спросила Пип. — Вижу, — ответил Семирах. — Только это никого не спасает.

Говорить с каплей — это почти как говорить с собой, только капля умнее.

В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно». И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Если небо работает, город обязан работать тоже.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Иногда надо просто поднять голову — это стоит дешевле любого дождя.

Из открытого окна шло радио, где говорили о посевной. Мокрая кошка сидела на подоконнике и смотрела на закат с презрением.

Кучевая разглядывала трещину в асфальте на насыпи.

— В дождь все одинаковые, — сказал Капа. — В дождь все честные, — поправил Свист.

Тишина в Мультяшвиле всегда была слышной: у неё был цвет.

За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Кто-то оставил на скамейке перчатки, и они уже намокли. На подоконнике аптеки стоял стакан с водой и в нём ложка.

Семирах держал паузу длиннее, чем нужно на пустыре, где растёт полынь.

— Оставь меня, — сказала Руж. — Хорошо, — сказала Кучевая. — Только я посижу тут.

К семи вечера все решения становятся погодой.

На реке был туман ровно до середины. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Мимо прошёл трамвай, полный людей, которые смотрели в пол. В подъезде пахло мокрой шерстью и холодными котлетами.

Кучевая ставила ногу точно в след у ворот рынка.

— Как это называется? — спросил Громыч. — Никак, — сказала Пип. — Если назвать, придётся отвечать.

Он заметил, что люди не поднимают голову даже когда льёт.

У водостока стояла вода и в ней отражался весь фонарь. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Голубь сидел на голове памятника дождю и был совершенно спокоен. Из открытого окна шло радио, где говорили о посевной.

Пип переписывала расписание на завтра на мосту через Мутную.

— Дождь пойдёт? — спросил Оптик. — Дождь уже идёт, — сказал Капа. — Просто в другую сторону.

Иногда надо просто поднять голову — это стоит дешевле любого дождя.

У ларька женщина покупала семечки и говорила про сына. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Руж, мне сказали, что тебя выцветает шестой цвет. Я не верю спискам, я верю тебе.»

Бумага была мокрая, но читалось всё. К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

На водонапорной башне крутился флюгер в виде рыбы. У стоматологии висело объявление «Без боли» и приписка «почти».

Громыч балансировал на одной ноге у газетного киоска.

— Ты сказал это вслух, — заметила Руж. — Я и хотел вслух, — ответил Свист.

Смотреть на город сверху было почти неприлично — как читать чужое письмо.

Кто-то вывесил на площади график закатов и подчеркнул седьмое число. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил. Кто-то привязал к скамейке ленту и не объяснил зачем.

Пип смотрела на башню и ждала сигнала на площади, где парковка.

— Что с небом? — спросила Индиго. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Ветер приносил не новости, а запах перемен, и это было одно и то же.

На лодочной станции лодки были перевёрнуты и засыпаны снегом. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

У элеватора работал погрузчик без выхлопа. В подъезде на стене кто-то нарисовал радугу четырьмя цветами и подписал «потом дорисую».

Капа переступал через лоток с водой на крыше школы.

— Ты сказал это вслух, — заметила Пип. — Я и хотел вслух, — ответил Капа.

К вечеру всё, что казалось важным, становилось фоном, как фонари в сумерках.

На подоконнике лежал билет в кино на прошлую среду. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

У школьных ворот стояли трое и спорили, будет ли снег. В трамвае было семь человек и один контролёр.

Кучевая нюхала воздух, как собака в саду, где яблони не плодоносят.

— Ты уверен? — спросил Громыч. — Нет, — сказал Капа. — Но я пойду.

Онаа бы отдалаа год за одну честную фразу, но фраз не было, был дождь.

На крыше соседнего дома лежал ковёр и сох. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Старуха у подъезда сказала вслух: «К морозу», — и была права. Около элеватора стояла машина с открытым капотом и мокрым крылом.

Индиго куталася в шарф у аптеки на углу.

— Ты видишь? — тихо спросила Индиго. — Вижу, — ответил Громыч. — Только это никого не спасает.

На этой улице любая радуга выглядела как скандал.

В аптеке свет был зелёный, как в аквариуме. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине. На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил.

Руж проверяла, не погас ли шестой цвет на водонапорной башне.

— Что ты делаешь? — спросил Свист. — Жду, — сказала Руж. — Это тоже работа, просто плохо оплачиваемая.

Он думал о том, что если свет идёт снизу, то и причина внизу.

В магазине висел плакат: «Небо — общее, смотрите бережно». А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Сводка № 181. Участок: у ворот старого кладбища. Время: Одиннадцать минут до дождя. Взглядов: 7. Отклонение: закат сместился на две минуты.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

По реке шёл лёд, хотя был сентябрь. В кассе автовокзала не было сдачи, и очередь стояла тихо.

Свист считал голубей у ворот рынка.

— Ты не похожа на радугу, — сказал Капа. — Сегодня — нет, — ответила Индиго.

Свет — единственное, что даёт бесплатно, и единственное, чего всегда мало.

Лоток с водой стоял на подоконнике и отражал весь проспект целиком. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Цвет выгорает от невнимания, а не от времени.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Ейа казалосьа, что если стоять достаточно долго, небо ответит первым.

У старой ивы вода стояла так, что в ней отражалась вся улица. Из форточки шёл пар и таял в воздухе на два счёта.

Громыч переписывал расписание на завтра у старого элеватора.

— Скажи мне, что делать, — попросил Капа. — Смотри, — сказал Семирах. — Это всё, что требуется.

Обычно за такие вещи не благодарят, а просто не мешают.

На рынке распродавали прошлогодние краски по причине отсутствия сезона. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На крыльце библиотеки лежала книга, промокшая и раскрытая на середине. На заборе висела куртка, забытая с осени.

Свист оглядывался на башню у водостока.

— Ты уверена? — спросила Пип. — Нет, — сказал Семирах. — Но я пойду.

В такие минуты понимаешь: город живёт не на земле, а в чужих взглядах.

На автостанции объявление о рейсе «отменено» висело третий год. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

На рынке взвешивали редис и разговаривали о несправедливости. У стены лежали доски, и на них уже вырос мох.

Оптик смотрел наверх на повороте к элеватору.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Оптик. — Надо было давно, — ответил Свист.

Онаа умела держать паузу, поэтому с ней было тихо и не пусто.

В саду не цвели яблони, и это уже никого не удивляло. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

У водостока стояла вода и в ней отражался весь фонарь. В киоске с газетами продавали открытки с радугой за двадцать копеек.

Кучевая считала голубей у газетного киоска.

— Ты видишь? — тихо спросила Кучевая. — Вижу, — ответила Руж. — Только это никого не спасает.

Онаа моглаа скатиться в обиду, но вместо этого села на камень и стала считать.

На насыпи горел костёр, и вокруг никого. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Мимо прошёл трамвай, полный людей, которые смотрели в пол. У фонаря стояла скамейка, повёрнутая к западу, — как раньше.

Капа смотрел на часы и не верил им в трамвае, который идёт в депо.

— Ты видишь? — тихо спросила Кучевая. — Вижу, — ответил Громыч. — Только это никого не спасает.

Вода принимает форму, а свет — мнение, и в этом вся разница.

В школьном окне горели все лампы, хотя был день. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

«Оптик, если ты не ответишь, я не обижусь. Я только перестану считать дни по-другому.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Совесть у города была в виде девочки с мелками.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. Ни дождь, ни хозяин не обязаны объяснять, почему так вышло.

В киоске продавали календари прошлого года со скидкой. В котельной было теплее, чем в квартирах, и туда заходили греться.

Капа держал бумагу так, чтобы не намокла в саду, где яблони не плодоносят.

— Как это называется? — спросила Кучевая. — Никак, — сказал Капа. — Если назвать, придётся отвечать.

Он думал о том, что если свет идёт снизу, то и причина внизу.

Мимо прошёл почтальон с пустой сумкой и сказал «дождливо». А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

В переулке было так сыро, что плесень зацвела на заборе. На столбе объявлений кто-то сорвал половину афиши.

Оптик ждал, пока кончится дождь в очереди в аптеку.

— Не надо было тебе выходить на площадь, — сказал Свист. — Надо было давно, — ответил Оптик.

Онаа не боялась тумана; она боялась того, что там не будет никого.

Кто-то мелом написал на асфальте «7:42» и обвёл. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Сводка № 333. Участок: у старого элеватора. Время: Семь тридцать. Взглядов: 180. Отклонение: минус один цвет.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

У стены лежали доски, и на них уже вырос мох. В трамвае было семь человек и один контролёр.

Свист оглядывался на башню у аптеки на углу.

— В дождь все одинаковые, — сказал Семирах. — В дождь все честные, — поправила Руж.

В такие минуты понимаешь: город живёт не на земле, а в чужих взглядах.

На теплотрассе сушили валенки и ругались на трубы. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. В переулке было так сыро, что плесень зацвела на заборе.

Свист делал вид, что читает афишу на мосту через Мутную.

— Кто дал тебе это право? — спросила Руж. — Никто, — сказал Громыч. — Я сам взял.

Совесть у города была в виде девочки с мелками.

По проводам шли птицы и садились через две. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

«Пип, у нас всё тихо: дождь, чай, чужие шаги за стеной. Тихо — это не значит хорошо.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Всё было бы просто, если бы у неба был администратор.

На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери». В окне первого этажа показывали мультик без звука.

Капа переписывал расписание на завтра у забора с колючей проволокой.

— Что с небом? — спросил Свист. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Иногда надо просто поднять голову — это стоит дешевле любого дождя.

Пацан на велосипеде объехал лужу и всё равно попал в неё. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Сосулька на карнизе выросла за ночь на два пальца. На лодочной станции лодки были перевёрнуты и засыпаны снегом.

Кучевая смотрела наверх под козырьком остановки.

— Это далеко? — спросила Руж. — Восемь минут пешком, — сказала Пип. — Только пешком никто не ходит.

Дождь в этом городе был не погодой, а расписанием, которое все знали наизусть.

У переезда шлагбаум поднимался медленно, будто нехотя. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

Предписание № 329. Запретить ночное стояние над на огородах за городом до Восемь ноль восемь. Исполнитель: совет.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

Сводка № 80. Участок: на огородах за городом. Время: Одиннадцать минут до дождя. Взглядов: 0. Отклонение: минус один цвет.

Бумага была важнее события: событие забывали, номер оставался.

«Пип, у нас режут свет на три части, чтобы хватило всем. Хватает не всем.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Сколько бы ни было правил, вода остаётся водой.

Снег лежал на балконах там, где никто не убирал с прошлой зимы. У фонаря стояла скамейка, повёрнутая к западу, — как раньше.

Оптик разносил объявления по подъездам у пивного ларька.

— Что с небом? — спросил Громыч. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Кто-то должен был стоять здесь, даже если ничего не случится.

У ларька с мороженым зимой продавали пельмени. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Кто-то вывесил на площади график закатов и подчеркнул седьмое число. Водокачка стояла без воды с прошлой осени.

Руж настраивала фонарь у восточной окраины.

— Как это называется? — спросил Громыч. — Никак, — сказал Капа. — Если назвать, придётся отвечать.

Онаа моглаа скатиться в обиду, но вместо этого села на камень и стала считать.

На столбе объявлений кто-то сорвал половину афиши. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

* * *

Так у них появилась почта.

Письма Свист носил в цвете: он залетал в дугу, набирал на себя немного света и летел. Беда была в том, что свет по дороге выцветал. Дневное письмо, долетевшее до ночи, приходило бледным; ночное, долетевшее до дня, приходило почти прозрачным.

— Ты потерял половину, — говорила Руж.

— Я не потерял, — обижался Свист. — Я пронёс. Просто оно по дороге подтаяло. Как мороженое.

— Письма не тают.

— Твои тают. Ты такая яркая, что от тебя ничего не доносится целиком. Вот, смотри, что осталось: «Я т-б- л-бл»... дальше не разберу.

— «Я тебя люблю»?

— Или «я тебя объела». Не знаю. Я честный ветер, я не выдумываю.

Тогда они придумали другое. Руж писала письмо коротко — три цвета, не больше. Индиго отвечала тремя. Так, чтобы хватало на дорогу.

Три цвета в день. Это немного — три цвета в день на человека, которого любишь.

Но если считать по цветам, у Руж было семь, и она тратила три, и у неё оставалось четыре на работу, на город, на булочки и на себя. Индиго было легче: у неё было всего четыре, но её никто не видел, и ей не надо было тратить на других.

— Ты знаешь, что самое смешное? — сказала как-то Руж. — Что мы живём в одном городе. Мы висим над одними и теми же крышами. Между нами двести метров. И нам нужен ветер, чтобы сказать «привет».

— Да, — сказала Индиго.

— И знаешь, что ещё? Мне это нравится. Понимаешь? Должно быть ужасно, но мне нравится. Каждое утро я просыпаюсь и думаю: а вдруг сегодня будет туча?

Индиго посмотрела на неё.

— А я думаю, — сказала она, — а вдруг сегодня днём будет дождь и луна взойдёт раньше.

— Так не бывает.

— Нет. Но я думаю.

Глава 4. Тётушка Кучевая

Тётушка Кучевая жила на высоте двух километров и знала всё.

Это было не преувеличение и не лесть: кучевые облака действительно знают всё, потому что они большие, медленные и всё видят сверху. Единственный их недостаток — они никуда не спешат. Если спросить кучевое облако «который час», оно сначала расскажет, как образовалось.

Руж поднялась к ней в среду. Подниматься было тяжело: радуга не летает, радуга тянется, а тянуться на два километра — это как идти по лестнице, у которой нет перил.

— Тётушка Кучевая! — крикнула она, добравшись.

— Ммм, — сказало облако.

— Тётушка Кучевая, у меня вопрос.

— Ммм.

— Тётушка!

— Я тебя вижу, Руж. Дай мне минуту, я вспоминаю, где я.

Облако шевельнулось, и с него посыпалась мелкая морось.

— Ах да, — сказало оно. — Я над Мультяшвилем. Я тут с прошлого вторника. Ты выросла.

— Я не расту. Я радуга.

— Все растут, — сказало облако. — Даже радуги. Просто у вас это называется «выцветать».

Руж уселась на край облака — мягко, как на перину.

— Тётушка, — сказала она. — Скажи мне честно. Радуга может встретиться с радугой из другого света?

Облако долго молчало. Оно умело молчать так, что молчание становилось отдельным веществом.

— Ты про Индиго, — сказало оно наконец.

— Откуда ты...

— Я всё вижу сверху. Я видела, как ты в понедельник не спала. Я видела, как ветер таскал между вами свет. И я видела, — облако вздохнуло, и от вздоха внизу, на площади, у кого-то улетела шляпа, — как ты в четверг утром была на два цвета бледнее.

— Я не...

— Руж.

— Что.

— Ты выцветаешь, — сказало облако. — С той ночи, как увидела её, ты теряешь по полцвета в неделю. Ты этого не чувствуешь, потому что влюблённые вообще ничего не чувствуют, кроме себя. Но я вижу сверху. По твоей дуге пошла неровность, как по старому мосту.

Руж посмотрела на свой левый край. Там действительно было что-то не то: красный цвет заканчивался не так резко, как раньше, а размывался, будто его стёрли пальцем.

— Почему? — спросила она тихо.

— Потому что ты тратишь свет, а не собираешь, — сказало облако. — Радуга живёт, когда на неё смотрят. Ты весь день стоишь на площади, и на тебя смотрят сотни глаз, и ты набираешь свет. А потом ты ночью уходишь на пустырь и говоришь с той, которую никто не видит, и вы обе светите друг на друга, и от этого вы не набираете, а отдаёте. Ночью нет зрителей. Ночью вы просто два огня в темноте, и вы светите друг на друга, и это прекрасно, и это вас убивает.

— Значит, надо меньше...

— Не смей, — сказало облако резко, и внизу, на площади, у кого-то захлопнулось окно. — Слышишь? Не смей. Я живу в небе четыреста лет. Я видела, как радуги жили по правилам и умирали серыми в полном одиночестве, при огромном количестве зрителей. Это не жизнь. Это трансляция.

Руж молчала.

— Есть три вещи, которые ты должна знать, — сказало облако. — Первое: радуга не может коснуться земли, не потеряв цвет. Это не наказание, это свойство. Второе: радуга живёт, пока на неё смотрят хотя бы двое. Не сотни, заметь. Двое. Третье... — облако запнулось. — Третье я скажу тебе позже.

— Почему позже?

— Потому что третье — это ответ, а ответы нельзя давать раньше вопроса. Ты ещё не спросила.

В кассе автовокзала не было сдачи, и очередь стояла тихо. В школьном окне горели все лампы, хотя был день.

Свист ждал, пока кончится дождь на стадионе.

— Это приказ? — спросил Семирах. — Это погода, — ответил Громыч. — С приказами у нас плохо.

В городе, где всегда пахнет мокрым камнем, проще молчать, чем объяснять.

В парикмахерской говорили о том, что очередь — это форма протеста. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

В школьном дворе нарисованный классик был смыт ровно посередине. На насыпи рос подсолнух, и никто не помнил, кто его посадил.

Оптик рисовал на асфальте то, чего не было у старого элеватора.

— Оно того стоит? — спросила Пип. — Не знаю, — ответила Руж. — Но я ещё не всё сделала.

На этой улице любая радуга выглядела как скандал.

У гаражей стояла машина с открытым багажником и мокрым одеялом. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

Цвет выгорает от невнимания, а не от времени.

Правило было коротким, поэтому его легко было исполнять неправильно. Он думал о том, что если свет идёт снизу, то и причина внизу.

Радуга, стоящая слишком долго, называется «та, что ждёт».

Никто не помнил, кто это написал, но все помнили, что так надо. До семи сорока двух можно было не решать ничего вообще.

На рынке продавали зонты двух цветов: чёрные и в горох. На крыльце стояли сапоги и в них была вода.

Семирах прислушивался к трубе на насыпи у теплотрассы.

— Ты обещаешь? — спросила Кучевая. — Я обещаю не врать, — ответил Капа. — Это больше.

Ни дождь, ни хозяин не обязаны объяснять, почему так вышло.

У гаражей пахло бензином и мокрой собакой. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Расписание закатов, неделя 188. Начало: Восемь ноль восемь. Продолжительность: 3 минут. Примечание: предупредить радугу.

Никто, кроме писаря, этих листов не читал, но лежали они ровно.

«Пип, сегодня я стояла у фонаря сорок минут. Это не рекорд, но раньше у меня было меньше.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Каждый раз, когда город молчит, ему кажется, что он думает.

На насыпи горел костёр, и вокруг никого. В палисаднике сирень цвела не по сезону и упрямо.

Кучевая клеила объявление об отмене в переулке, где не ловит телефон.

— Кто решает? — спросила Индиго. — Тот, кто помнит, — ответил Оптик. — А помнит у нас никто.

Радуга не может уйти тихо: она уходит с шумом красок.

В подъезде на стене кто-то нарисовал радугу четырьмя цветами и подписал «потом дорисую». Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Сводка № 253. Участок: на автостанции в шесть утра. Время: Семь сорок пять. Взглядов: 7. Отклонение: взглядов меньше нормы.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

Снег лежал на балконах там, где никто не убирал с прошлой зимы. В саду не плодоносили яблони, зато цвела сирень.

Руж проверяла облака на просвет на площади у старой ивы.

— Там кто-то есть? — спросил Громыч. — Там туман, — сказал Капа. — Это почти одно и то же.

Цвет в этом городе принадлежал не тому, кто его имеет, а тому, кто смотрит.

Около элеватора стояла машина с открытым капотом и мокрым крылом. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

На проводе висела капля и не падала. У памятника дождю лежал букет, которого там не было вчера.

Капа нюхал воздух, как собака у железной дороги.

— Оно того стоит? — спросил Семирах. — Не знаю, — ответил Громыч. — Но я ещё не всё сделал.

Кто-то должен был стоять здесь, даже если ничего не случится.

У гаражей стояла машина с открытым багажником и мокрым одеялом. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

На лестнице пожарной части сушились рукавицы. На проводе висела капля и не падала.

Свист переписывал расписание на завтра над озером.

— Это далеко? — спросила Руж. — Восемь минут пешком, — сказала Кучевая. — Только пешком никто не ходит.

Онаа считалаа минуты, потому что считать часы было слишком страшно.

На реке был туман ровно до середины. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Из соседнего окна пахло вареньем и сгоревшим сахаром. Кто-то оставил на скамейке перчатки, и они уже намокли.

Индиго перевязывала шнурок, чтобы потянуть время на балконе, где сушат бельё.

— Что ты видишь? — спросил Семирах. — Крыши, — сказала Индиго. — И ни одного человека на них.

Никто не верит в радугу, пока не промокнет до нитки.

У котельной грелись двое и спорили о футболе. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

Птицы летели низко, чего в это время года не бывает. В луже отражалась вывеска, и она была правильной.

Пип балансировала на одной ноге на мосту через Мутную.

— Дождь пойдёт? — спросила Кучевая. — Дождь уже идёт, — сказал Громыч. — Просто в другую сторону.

Говорить с каплей — это почти как говорить с собой, только капля умнее.

Кто-то оставил на скамейке перчатки, и они уже намокли. Дождь кончился к вечеру, и все сразу стали немного смелее.

Учёт взглядов, день 87. Зафиксировано: 11 взглядов и туман в низине. Примечание: предупредить радугу.

Такую бумагу подшивали в общую папку, и в папке становилось на лист больше.

На рынке продавали зонты двух цветов: чёрные и в горох. В школьном окне горели все лампы, хотя был день.

Оптик переписывал расписание на завтра у кирпичной трубы котельной.

— Не надо, — сказала Пип. — Поздно, — сказал Громыч. — Я уже начал.

Цвет — это не краска, а согласие того, кто смотрит.

В переулке не ловил телефон, и это всех устраивало. И это было единственное событие за сутки, которое можно назвать настоящим.

«Оптик, если ты поднимешь голову в семь сорок две, ты увидишь то, о чём я молчал два года.»

Свист принёс его на спине и извинился, что помял. Если тебя видят четверо, этого мало; если двое — этого ровно столько, сколько есть.

В парикмахерской говорили о том, что очередь — это форма протеста. За городом пахло полынью и мокрой землёй одновременно.

Оптик разглядывал трещину в асфальте на площади, где парковка.

— Скажи честно, — попросил Семирах. — Честно — я не знаю, — сказала Руж.

Каждый раз, когда город молчит, ему кажется, что он думает.

У котельной грелись двое и спорили о футболе. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

«Руж, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрела сама.»

Ответа не последовало, и это тоже был ответ. Ошибка была не в правиле, а в том, что его никто не перечитывал.

Предписание № 102. Запретить ночное стояние над на площади, где парковка до Семь тридцать. Исполнитель: совет.

Копию отправили на восточную окраину, где её положили под камень.

Из форточки шёл пар и таял в воздухе на два счёта. Из котельной шёл пар, и в нём стояла радуга, никем не заказанная.

Свист оглядывался на башню у стоматологии.

— Это приказ? — спросил Капа. — Это погода, — ответила Индиго. — С приказами у нас плохо.

Небо в тот вечер было как несданная работа: красивое, но с ошибкой.

На скамейке лежал пакет с хлебом и запиской «забери». А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

«Индиго, я не прошу прощения. Я прошу, чтобы ты посмотрела сама.»

Конверта не было: лист сложили вчетверо и перевязали травинкой. Ейа хотелось сказать что-нибудь простое, но простые слова почему-то стоили дороже.

На смотровой площадке был бинокль без монет и с наклейкой «смотри не вниз». Между домами был проход, где ветер менял направление без объяснений.

Кучевая переписывала расписание на завтра у кирпичной трубы котельной.

— Ты уверена? — спросила Руж. — Нет, — сказала Индиго. — Но я пойдуа.

Каждый раз, когда город молчит, ему кажется, что он думает.

Мокрая кошка сидела на подоконнике и смотрела на закат с презрением. Так прошёл ещё один день, и никто его не заметил, кроме двоих.

На лестнице пожарной части сушились рукавицы. В луже отражалась вывеска, и она была правильной.

Кучевая смотрела в лужу и ждала, когда в ней что-то изменится у трансформаторной будки.

— Что ты видишь? — спросил Капа. — Крыши, — сказала Индиго. — И ни одного человека на них.

Никто не верит в радугу, пока не промокнет до нитки.

Вдалеке прошёл товарный, и всё на секунду стало громким. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

У стены лежали доски, и на них уже вырос мох. На рынке распродавали прошлогодние краски по причине отсутствия сезона.

Индиго спорила с оптиком о природе радуги у ларька с мороженым.

— В дождь все одинаковые, — сказала Руж. — В дождь все честные, — поправил Громыч.

Тот, кто сказал «просто смотри», не был на совете радуг.

Водокачка стояла без воды с прошлой осени. Потом об этом никто не вспоминал, кроме грома, который запоминает всё.

Выцветшая радуга не умирает — она уходит в туман.

Его переписывали от руки в тетради, и от этого оно становилось длиннее. Это была ошибка, но ошибка правильного человека.

«Оптик, в городе пошёл дождь снизу вверх. Передай своим, что небо ещё работает.»

Внизу стояла приписка: «Если не дойдёт — не считай это ответом». Цвет в этом городе принадлежал не тому, кто его имеет, а тому, кто смотрит.

«Оптик, если ты не ответишь, я не обижусь. Я только перестану считать дни по-другому.»

Письмо пришло через шесть дней, и половина букв расплылась. Правила в этом городе писаны для тех, кто их не читает.

Между домами был проход, где ветер менял направление без объяснений. В окне почты горел свет, а дверь была заперта.

Пип проверяла облака на просвет на огородах за городом.

— Что с небом? — спросила Пип. — Небо в порядке. С городом что-то не так.

Онаа не хотелаа трогать правила, но правила сами её трогали.

У переезда шлагбаум поднимался медленно, будто нехотя. А назавтра выпал снег, и всё стало ещё сложнее, но как-то легче.

В палисаднике сирень цвела не по сезону и упрямо. У ворот кладбища стояла скамейка, повёрнутая к городу.

Свист рисовал на асфальте то, чего не было у железной дороги.

— Не надо, — сказала Руж. — Поздно, — сказала Пип. — Я уже начала.

Ничего не происходило, и это было лучшей новостью за неделю.

Кто-то вывесил на площади график закатов и подчеркнул седьмое число. В городе это назвали бы погодой и на том бы остановились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.